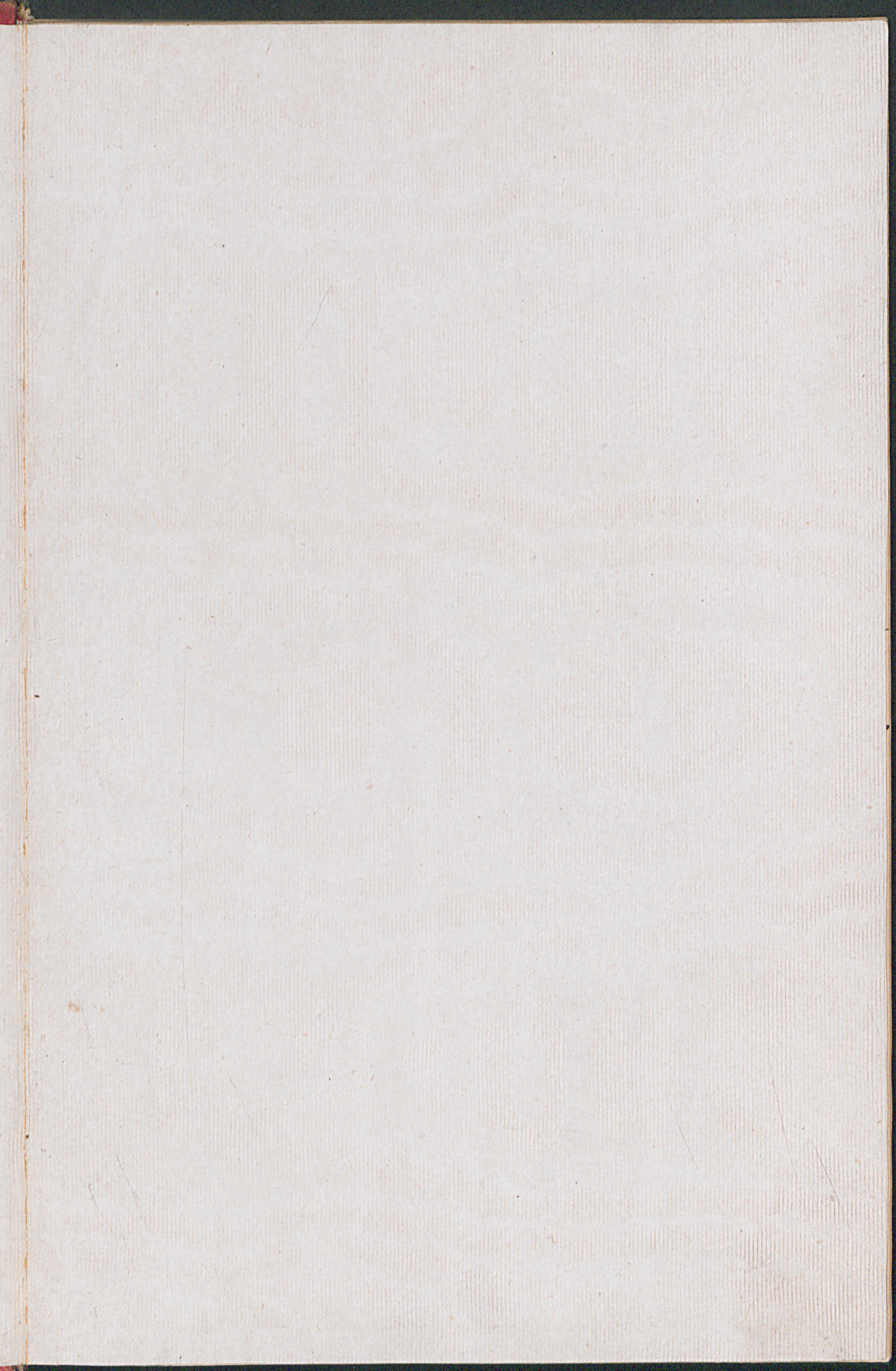

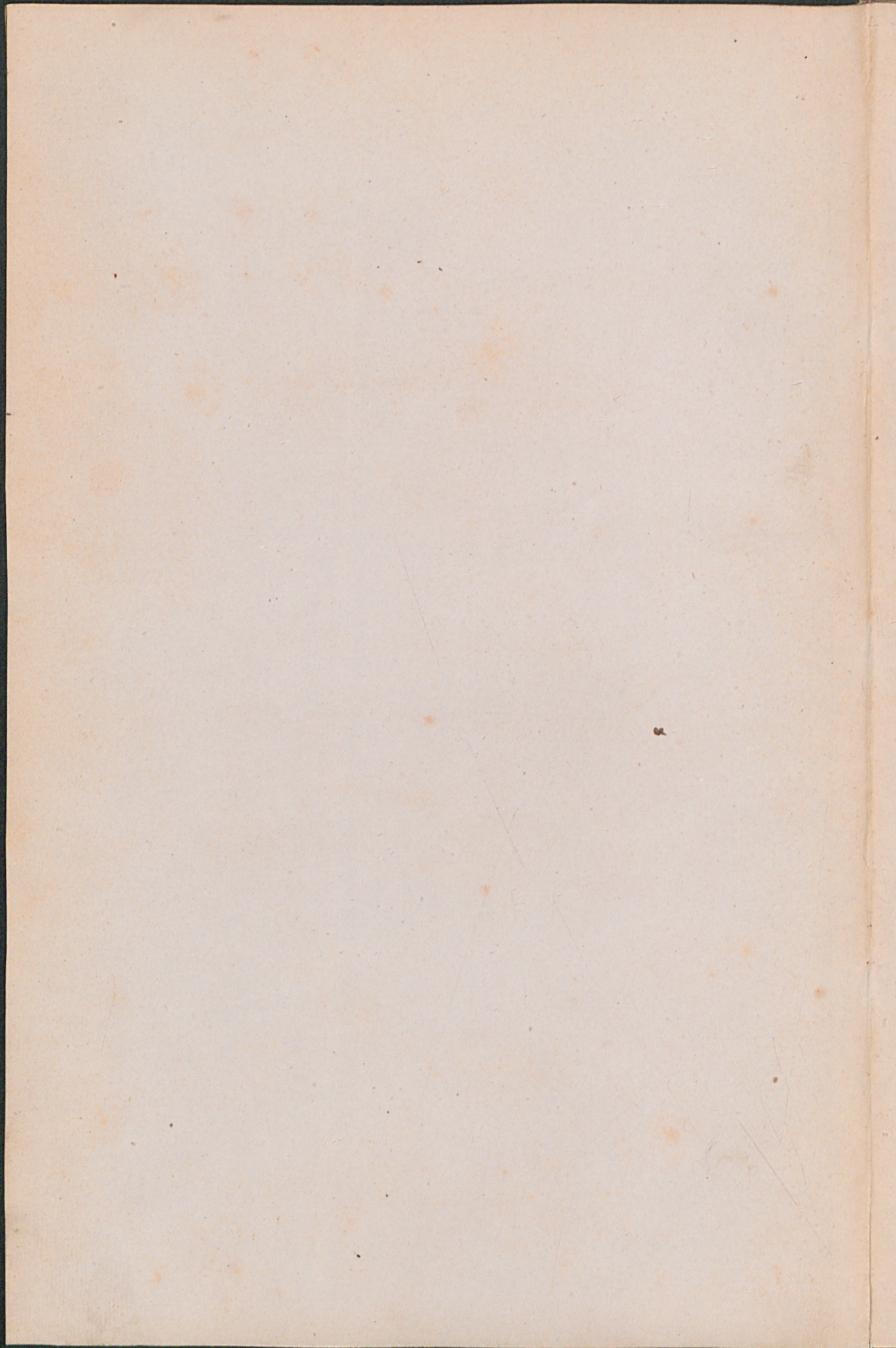
А. Яковлев

В. И. ЯДОВИЯТЪ

ПОДЪ ГОРНИМЪ
ДУБНЯКОМЪ.
ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

1877-1878

Дорогой и Милый сын
Милый Младенец
Почтенный

на доброго вечера с добрым
твоим работам в Милым & Милым

Отец Милый Младенец

Милый Младенец

12 Октября
1878.

П. И. ЯДОВИНЪ.

ПОДЪ ГОРНИМЪ ДУБНЯКОМЪ.

(ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ).

(ВЪ ПАМЯТЬ ГОДОВЩИНЫ БОЯ 12 ОКТЯБРЯ 1877 ГОДА).

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

—
1882.

△ 900/444
м

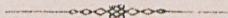
В.О.
Ки. II

П. И. ЯДОВИНЪ.

ПОДЪ ГОРНИМЪ ДУБНЯКОМЪ.

(ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ).

(Въ память годовщины боя 12 октября 1877 года).

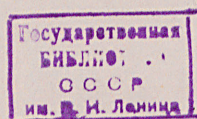

ВАРШАВА.

—
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

—
1882.

Доволено Цензурою.
Варшава, 10 декабря 1881 года.

12544-65

1500218746

Предисловіе.

До сихъ поръ, не смотря на довольно большое число появившихся описаній и монографій минувшей 1877—78 г. войны, многія стороны ея и факты со-всѣмъ, или по крайней мѣрѣ неполнѣ извѣстны читающей публикѣ. Между тѣмъ, всякія воспоминанія, время отъ времени, теряютъ свою силу и у самыхъ наблюдательныхъ очевидцевъ и участниковъ войны многое съ теченіемъ времени утрачивается въ разсказахъ. Вотъ почему описанія, составленныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минувшаго, не смотря на встрѣчающіяся иногда при этомъ неточности, большею частію—полнѣе и имѣютъ за собой право, какъ матеріала войны.

Большой интересъ представляютъ для публики описанія самихъ очевидцевъ и участниковъ и онѣ читаются легче сухихъ описаній и мемуаровъ, изданныхъ ex officio. Въ описаніяхъ очевидцевъ и участниковъ въ большинствѣ случаевъ проглядываетъ изложеніе легкое, живое, наглядное; ощущенія и впечатлѣнія быстро смѣняются, фактовъ много и читающій какъ бы самъ становится участникомъ и очевидцемъ описы-

ваемаго. Самыя описанія очевидцевъ и участниковъ скорѣе и съ большею ясностію запечатлѣваются у читателя. Тутъ живость и быстрота воспоминаній въ большинствѣ случаевъ проглядываютъ на ряду съ критической оцѣнкой, взвѣшеніемъ фактовъ, — на ряду съ выводами.

Но при всемъ томъ, эти описанія имѣютъ только тогда самое большое значеніе, когда въ передаваемыхъ подробностяхъ описываемаго есть точность, истина. Если патріотизмъ въ нихъ проглядываетъ въ связи съ истинною и полнымъ безпристрастіемъ къ описываемому; то такія описанія становятся цѣнными для русскаго народа, который именно долженъ гордиться тѣмъ, какія подвиги и при какихъ трудностяхъ и самопожертвованіи участниковъ совершено искупленіе славянскихъ народностей Россіею въ войну 1877—78 годовъ!

Но далеко появившіеся въ печати матеріалы этой войны не исчерпали всего. Матеріалы и описанія войны 1877—78 годовъ накаплиются и будутъ появляться въ свѣтъ до тѣхъ поръ, пока живы, еще участники славныхъ событій и самаго похода этой войны съ турками!

Въ войну 1877 — 78 г. и на мою, скромную долю выпало раздѣлять труды отрядовъ „Краснаго Креста“, сначала—на санитарномъ поѣздѣ Ея Императорскаго Высочества Евгеніи Максимиліановны Принцессы Ольденбургской, а потомъ въ летучихъ отрядахъ „Краснаго Креста“ и отчасти въ Этапномъ Лазаретѣ Ея Императорскаго Высочества Наслѣдницы Цесаревны Маріи Ѳеодоровны (нынѣ Государыни Императрицы) въ Болгаріи. Наблюденій, новизны и фактовъ, при этой нео-

сѣдлости жилья и быстро смѣнявшейся массѣ впечатлѣній, было много и большая часть ихъ своевременно печаталась въ „Русскомъ Мірѣ“, имѣвшемъ въ то время такихъ талантливыхъ корреспондентовъ съ театра войны, какъ: Терентьева, Полушкина, Гаусмана, Бобчева и другихъ.

По прїѣздѣ въ Россію съ войны, я сталкивался со многими ея очевидцами и болѣе интересныя ихъ описанія записывалъ. Во всемъ, что я ни видѣлъ и ни наблюдалъ, что ни слышалъ, проглядывали: беззавѣтная удалъ и геройство нашего солдата, его благодушное отношеніе къ окружающему, безпримѣрная выносливость трудностей и невзгодъ войны. Трудности войны и походная жизнь вполне достойны вниманія каждаго. Устройство санитарной помощи на войнѣ меня интересовало на каждомъ шагѣ тутъ. Большинство всего моего матеріала, накопившагося съ войны, уже почти приведено въ полный порядокъ. Когда матеріаль этотъ еще не былъ приведенъ въ этотъ видъ, по представленіи въ конференцію Императорской Медико-Хирургической Академіи въ видѣ корреспонденцій, статей, очерковъ и набросковъ русскаго студента, удостоенъ былъ отъ Академіи въ 1878 г. почетнымъ отзывомъ.

Въ свое время печать цитировала нѣкоторыя мѣста изъ моихъ корреспонденцій. Я внимательно и съ благодарностію относился ко всѣмъ замѣчаніямъ, какія были сдѣланы при этомъ. Здѣсь—одна глава моихъ воспоминаній войны. Въ ней собранъ матеріаль, относящійся до дѣла подъ Горнимъ Дубнякомъ.

Дѣло подъ Горнимъ Дубнякомъ—одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ русской гвардіи въ минувшую войну.

Значеніе его опредѣлялось такъ. Плевна, памятная десяткомъ тысячъ русскихъ неустрашимыхъ храбрецовъ и для всего русскаго народа, задержала на время успѣхи нашего оружія и составляла долгое время главный интересъ войны. Она имѣла Софійское шоссе, которое справедливо иные называли — жизненною артеріею, питавшею Османа и его армію. Это шоссе, по которому шли подкрѣпленія, провизія и пр. къ Осману, чрезъ которое эвакуировались больные и раненые турки изъ арміи Османа, имѣло сильныя укрѣпленія, изъ которыхъ самымъ грознымъ былъ Горній Дубнякъ. Взять его и занять Софійское шоссе было не легкимъ дѣломъ, п. ч. Османъ могъ сдѣлать вылазку, а изъ Орханіе и Софіи могли къ туркамъ придти подкрѣпленія на выручку. 12 октября 1877 г. было счастливымъ днемъ для русскаго народа, п. ч. чрезъ полное обложеніе Плевны желѣзнымъ кольцомъ русскихъ и румынскихъ войскъ, предрѣшался на вѣрное вопросъ объ паденіи Плевны и о славѣ дальнѣйшаго, побѣдоноснаго хода русской арміи, зимой, чрезъ Балканы и подъ стѣны Константинополя.

Если представляемые здѣсь мои студентскія впечатлѣнія и воспоминанія о дѣлѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ не утомятъ читатели и дадутъ ему возможность представить эту массу описываемаго, дадутъ понять отчасти о подвигахъ и жертвахъ славной русской гвардіи, о беззавѣтной преданности ея русской отчизнѣ и пр., то я позволю себя считать вполне счастливымъ.

Авторъ.

Варшава,
12 (24) октября 1881 года.

ПОДЪ ГОРНИМЪ ДУБНЯКОМЪ.

(ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ).

I.

Четвертая годовщина дѣла подъ Горнимъ Дубнякомъ. — 11-е октября въ Іени-Баркачѣ. — Гвардейскіе биваки. — Въ болгарской хатѣ. — Путь гвардіи отъ Россіи до Іени-Баркача. — Позиціи турокъ при Софійскомъ шоссе. — Значеніе Горняго Дубняка въ дѣлѣ обложенія Плевны. — 16-ое почтовое полевое отдѣленіе предъ выступленіемъ гвардіи къ Горнему Дубняку.

Уже четыре года прошло послѣ славнаго боя русской гвардіи подъ Горнимъ Дубнякомъ, а между тѣмъ, какъ живо еще представляются всѣ подробности этого дѣла!

Славный денекъ былъ 11-е октября 1877 года въ Іени-Баркачѣ. Не смотря на позднюю осень, эта маленькая болгарская деревушка, раскинутая по склонамъ живописныхъ холмовъ, еще со всѣхъ сторонъ была окружена кой-какою зеленью. Лучезарное солнце ударило своими живыми лучами въ этомъ краю, гдѣ шевелилось и двигалось многое,

готовясь къ какому-то важному дѣлу. То была пора, когда давно уже не чувствовалось осѣдлаго жилья, когда ежедневно пріобрѣталась сила и чуткость новизны, время трудовъ, неожиданностей и лишеній въ жизни нашей арміи, въ войнѣ съ турками! Томительные дни стоянки нашей подъ Плевной представляли ожидать поворота дѣлъ съ турками! То были дни, во время которыхъ были получены отрадные вѣсти о пораженіи русскою арміею турокъ во главѣ съ ихъ главнокомандующимъ Мухтаромъ-пашою на Алджирскихъ высотахъ и захватѣ тамъ трехъ непріятельскихъ дивизій.

Іени-Баркачь раскинулся неподалеку отъ Софійскаго шоссе, по которому изъ Софіи и изъ Орханіе шли подкрѣпленія въ Плевну для арміи Османа-паши.

Напряженно всматриваясь въ этотъ живописный ландшафтъ Іени-Баркача, около котораго по скалонамъ холмовъ и горъ располагались биваками части гвардіи, вы отчетливо казалось врѣзывали въ память всѣ эти виды! Съ полей правда не вѣяло жизнію болгарскаго лѣта. Болгаринъ не работалъ въ это время въ полѣ, копошась тамъ гдѣ-то... около своего хозяйства, въ своемъ домѣ.

— Какой сегодня хорошій денекъ!... обратился ко мнѣ нашъ хозяинъ-болгаринъ, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ.

— Да!

— Дай руку мнѣ, и я покажу тебѣ свое хозяйство, братушка!

— Идетъ!

И мы пошли осматривать хозяйство болгарина, радушно принявшаго насъ за два дня предъ тѣмъ.

— О, да вы богаче нашихъ русскихъ крестьянъ живете, говорилъ я.

— Да!... вздохнулъ тяжело старикъ; что-то будетъ сегодня?... Я чую, что готовится что-то не-

доброе. Вотъ и подъ Плевной все стихло: ни гулу артиллеріи, ни стрѣльбы не слышно, а войска такъ и подходятъ да подходятъ.... А то каждый день такая трескотня ружей да орудій, что просто страхъ забираетъ.

Что-то дѣйствительно готовилось въ Іени-Баркачѣ. Курьеры скакали зачастую съ порученіями. Полки, артиллерія, гвардейская кавалерія подходили. Гвардейскіе саперы укрѣпляли Іени-Баркачѣ со стороны Плевны... Все тутъ кишало движеніемъ и суетливостью. Варка мяса, по приказанію генерала Гурко, производилась на два дня. Солдатамъ выдавали запасы сухарей. Каждый изъ нихъ складывалъ въ мѣшечки провизію, чистилъ ружья, наполнялъ сумки патронами... Вязались фашины, писались письма на родину. Офицерскіе деньщики хлопотали объ уборкѣ лишняго багажа въ обозъ. Видно было изъ всего, что прибывшая только что въ Болгарію гвардія Русскаго Царя готовилась къ бою. Но гдѣ? когда? какое и какъ поведется дѣло? — объ этомъ знали развѣ одинъ генералъ Гурко, да его штабъ.

— Ужъ не Плевну ли опять брать хотятъ? О, дай Богъ счастья русскимъ! говорила молодая, симпатичная болгарка, дочь нашего хозяина.

Все знали, что гвардія выступитъ въ бой. Генералъ Гурко, объѣзжавшій позиціи гвардіи, обращался къ этому отборному войску Россіи съ увѣренностью въ успѣхѣ его. Его слова, дышавшія жизнью, вдохновляли и вносили увѣренность и бодрость въ войска.

Наканунѣ боя подъ Горнимъ Дубнякомъ большая часть гвардіи Русскаго Царя собралась въ Іени-Баркачѣ. Часть 3-й гвардейской дивизіи заняла на время позиціи при Раліево. Плевна была тогда центромъ и главнымъ звѣномъ нашей войны съ турками. Она на время задержала дальнѣйшіе успѣхи и ходъ русскаго оружія. 30-е іюня, 18-е

іюля и 30-е августа показали русскимъ, какъ упорно обороняетъ свою большую армію Османъ. Для большаго успѣха операцій русской арміи подѣ Плевной, 22 августа 1877 г. взята была приступомъ Ловча. Большой гривицкій редутъ былъ тогда уже въ рукахъ русско-румынской арміи, но большая часть укрѣпленій все таки была въ рукахъ Османа и его сильной арміи.

Путь, по которому пришла гвардія Русскаго Царя, прибывшая изъ Петербурга и Варшавы чрезъ Кишиневъ, Румынію, по переходѣ чрезъ Дунай,—пролегаль чрезъ Систово, дер. Митхадъ-паша, Горній Студень (главная квартира Государя и Великаго Князя Главнокомандующаго), Овчуя Могила, Булгарени, Радунице, Порадимъ (главная квартира князя Карла Румынскаго въ это время), Боготъ, Беглишъ, Ралиево и Эски-Баркачъ. Иныя изъ проходимыхъ мѣстъ, славныя въ исторіи минувшей войны, носили характеръ и слѣды остывшей недавно крови бойцовъ. Нѣкоторыя мѣста на этомъ пути были для прохода ужасно трудны (Ралиево, Эски-Баркачъ), несмотря на постоянныя работы нашихъ саперовъ и, займи ихъ ранѣ турки,—не пробрался бы никто изъ нашихъ по этому пути. Наши войска перѣдко сами пролагали пути, расширяли и выравнивали дороги, вырубали лѣса, кустарники, исправляли существующія уже дороги.

Русская гвардія, проходя черезъ главную квартиру Государя Императора на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Горномъ Студенѣ, шла съ пѣснями и музыкой. Русскій Государь жилъ тамъ въ простомъ деревянномъ болгарскомъ домѣ, раздѣляя Самъ труды и невзгоды войны. Гвардія встрѣтила тутъ привѣтъ отъ Великаго Князя Главнокомандующаго и увидѣла выѣзжавшаго къ ней на встрѣчу Государя Императора. Его Величество изволилъ поздравить ее съ походомъ и битвами,—и долгое

„ура“ проносилось громко въ воздухѣ. Въ день выступленія гвардіи изъ Горняго Студеня, въ присутствіи Государя, былъ отслуженъ молебенъ. Въ Порадимѣ встрѣтилъ гвардію Русскаго Царя помощникъ начальника западнаго отряда плевненской арміи—князя Карла Румынскаго, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ — славный герой Севастополя и доблестный, храбрый сподвижникъ нашей арміи подѣ Плевной. Кромѣ того, самъ князь Карлъ Румынскій производилъ смотръ нѣкоторыхъ гвардейскихъ частей. Л.-гв. московскій полкъ прибылъ въ Іени-Баркачъ поздно, къ вечеру 11-го октября 1877 года.

Въ Іени-Баркачѣ такимъ образомъ собралась большая часть прибывшей въ Болгарію русской гвардіи. Кромѣ того, въ распоряженіи генерала Гурко уже была находившаяся въ Тростеникѣ кавалерія подѣ командой генерала Арнольди (62 эскадрона съ 30 орудіями) и 9 кавалерійская дивизія (также съ 30 орудіями), стоявшая по обѣимъ сторонамъ р. Вида, южнѣе Плевны, подѣ вѣдѣніемъ генерала Лашкарева. Войскамъ къ вечеру 11 октября 1877 года было приказано выступить по направленію къ Софійскому шоссе и главнымъ пунктомъ боя, долженъ былъ стать Горній Дубнякъ. Войска для атаки были распредѣлены въ колонны.

Значеніе Горняго Дубняка опредѣлялось само собою. Въ Плевнѣ упорно держался подѣ сильной осадой Османъ-паша со своею арміею, за хорошими окопами и настроенными, какъ самую природою (холмы), такъ и искусствомъ (редуты, траншеи, ложементы)—укрѣпленіями. Всѣ усилія нашей арміи сломить силу этой памятной десяткамъ тысячъ русскихъ храбрецовъ твердыни, на долго оказались напрасными. Войско Османа сидѣло въ редутахъ, траншеяхъ и ложементахъ, а равно и въ самой Плевнѣ, снабженное всѣмъ, что только нужно для того, чтобы отразить атакующихъ его рус-

скихъ. Мало того, когда Осману-пашѣ заперли дороги и пути къ отступленію и прекратили доставку для его арміи продовольствія, когда дорога на Виддинъ заслонена была тремя румынскими дивизіями, къ Осману-пашѣ подходили постоянно подкрѣпленія, провизія, жизненные, боевые и санитарные припасы по Софійской дорогѣ, тянущейся чрезъ Орханіевскіе проходы въ Софію, на югъ Балканъ. По этому шоссе происходила и эвакуація больныхъ и раненыхъ изъ арміи Османа. Такимъ образомъ, Софійское шоссе играло очень важную роль для Плевны и арміи Османа-паши, предохраняя ихъ также отъ большаго скопленія больныхъ и раненыхъ и уменьшая этимъ самымъ шансы для возникновенія и появленія эпидемій, которыя составляютъ тоже своего рода враговъ на войнѣ.

Отрѣзать упомянутый путь Осману-пашѣ возможно было только съ значительной силой, потому что дорога эта у турокъ имѣла нѣсколько сильныхъ оборонительныхъ пунктовъ: 1) ближайшій къ Плевнѣ Дольній Дубнякъ, лежащій въ 15 верстахъ отъ Плевны; 2) Горній Дубнякъ—на 6 верстѣ южнѣе и 3) Телишъ. Затѣмъ шли Луковицы и т. д. Въ промежуткахъ между укрѣпленіями этихъ пунктовъ, при Софійской шоссейной дорогѣ, были защищенія, покрытыя ложементами для пѣхоты и засѣками. Атаковать эти пункты надо было съ хорошими и вѣрными силами, помня, что въ атакѣ больше могло теряться, чѣмъ въ обороняемой сторонѣ за прикрытіями, и атакующіе находятся въ такихъ случаяхъ въ гораздо болѣе невыгодныхъ условіяхъ, чѣмъ атакуемые. Далѣе, нельзя было забывать и того, что Османъ-паша могъ сдѣлать вылазку; русская гвардія каждую минуту могла быть отрѣзана и всякое сообщеніе съ нею могло быть прервано. Со стороны Софіи и Орханіе къ туркамъ могли подойти подкрѣпленія и помощь.

Горній Дубнякъ дѣйствительно составлялъ

грозное укрѣпленіе и справедливо считался узломъ, или ключемъ Плевны. Ранѣе, правда, Софійское шоссе не было такъ сильно укрѣплено турками. Чтобы отрѣзать его, захватить всѣ транспорты и подкрѣпленія, шедшія въ Плевну, и отражать подкрѣпленія, идущія для Османа, еще ранѣе корпусъ кавалеріи подъ начальствомъ генерала Крылова былъ на Видѣ. Этого отряда оказалось недостаточно для такой важной цѣли. 10-го сентября 1877 года былъ пропущенъ громадный транспортъ жизненныхъ припасовъ, обмундированія и аммуниціи въ Плевну, при чемъ десятитысячный турецкій отрядъ, подъ начальствомъ Шефкета-паши, отѣснилъ наши кавалерійскія силы, находившіяся у Крылова.

Томилось сердце cadaго участника дѣла при выступленіи изъ Лени-Баркача. Страшная неизвѣстность омрачала осѣненные задумчивостью лица иныхъ, изъ которыхъ завтра, быть можетъ, многихъ уже не станетъ на этомъ свѣтѣ. Масса военныхъ толпилась на главной Лени-Баркачской улицѣ, у одного углового домика, гдѣ помѣщалось 16-е полевое почтовое отдѣленіе. Тутъ лежали груды писемъ, газетъ, посылокъ. Съ какою то особенною, лихорадочною торопливостью распечатывались и читались письма съ родины наканунѣ боя. Слезы капали изъ-подъ рѣсницъ многихъ при воспоминаніи тутъ о родныхъ и знакомыхъ... и не одинъ, навѣрное, читалъ тутъ послѣднее письмо предъ своей гибелью въ геройскомъ бою...

II.

Вечеръ предъ выступленіемъ русской гвардіи къ Горнему Дубняку. — Путь до Горняго Дубняка. — Переходъ чрезъ рѣку Видь. — Первые выстрѣлы. — Общій ходъ атаки. — Раненые.

Насталъ и вечеръ. Кругомъ хлопотливое движеніе гвардейцевъ... Вотъ звуки и говоръ съ биваковъ еще доносятся до васъ... Чудная погода стоитъ на дворѣ и дивный день этотъ—11 октября въ Лени-Баркачѣ!... Палатки биваковъ уже сложены. Все ужъ готово кажется, къ выступленію. Хотя генераль Гурко и не приказалъ брать солдатамъ ничего лишняго, чтобы не обременять себя лишней ношей, однако вы видите почти у каждаго изъ нихъ по большому мѣшку сухарей.

— Куда же вы берете такъ много сухарей? спросилъ я одного изъ нихъ.

— Знаемъ, что насъ двинуть сегодня, а вѣдь неизвѣстно, что и какъ тамъ будетъ? Можетъ раненымъ придется пролежать гдѣ нибудь долго, а можетъ и доставки провіанту не будетъ нѣсколько дней. Богъ знаетъ, что ожидаетъ насъ!

Вотъ другой солдатъ насыпаетъ большой мѣшокъ сухарями.

— На сколько времени берешь?

— Можетъ и на недѣльку растянуть придется.

Дѣйствительно, солдаты были правы. Опытъ

войны научилъ многихъ изъ нихъ на дѣлѣ, что значитъ запасный сухарь въ походѣ; онъ же далъ понять, какое значеніе иногда въ бою имѣетъ лишній боевой патронъ. Раненые послѣ плевненскихъ атакъ, на примѣръ, сообщали мнѣ, какъ они неподобранными, на поляхъ сраженія, оставались по шести дней, пока чрезъ парламентаровъ не начались переговоры съ турками, и тогда только мы получили возможность прибрать тѣла убитыхъ и раненыхъ. И счастливы были тутъ тѣ изъ нихъ, у кого были сухари! Да, невеселыя минуты и часы тянулись иногда въ такихъ обстоятельствахъ для раненыхъ, при общей картинѣ среди убитыхъ, стоновъ раненыхъ, при холодѣ, во время дождей!...

Выступленіе Императорской гвардіи началось съ биваковъ іени-баркачскихъ... Всѣ соблюдали замѣчательную тишину. Съ сосредоточенными лицами шли эти бодрые и видныя войска въ дѣло. Часовъ шесть было, какъ я съ товарищами-студентами вышелъ посмотрѣть на выступленіе, готовясь въ дѣло съ отрядами „Краснаго Креста“ Сумерки охватывали Іени-Баркачъ понемногу. И свѣтлый вечеръ смѣнился чудною, лунною ночью. По безоблачному, чистому небу мерцали міриады звѣздъ. Легкій вѣтерокъ дулъ съ горъ. Слышно было въ этой малюткѣ-виллѣ Іени-Баркачъ тихое и мѣрное топанье проходившихъ войскъ да привѣтъ генерала, ведущаго ихъ въ бой, съ ихъ обычнымъ отвѣтомъ. Болгары съ ихъ женами и дѣтками выползали изъ домовъ своихъ, съ любопытствомъ протягивая свои головы впередъ и глядя на выступленіе блестящаго русскаго войска.

— Ну, дай Богъ, дай Богъ добра нашимъ! слышалось въ сторонѣ отъ насъ, гдѣ стояла ихъ кучка, видимо отпосившаяся съ добрымъ участіемъ къ намъ.

Иные изъ нихъ плелись съ фонариками, мерцавшими какъ звѣзды среди тьмы. Позади осталась деревня Эски-Баркачъ, гдѣ прежде жили одни тур-

ки. Живописно раскинулась она въ ущельи двухъ высокихъ холмовъ, посреди которыхъ извивалась широкой лентой рѣка. Вотъ въ ней запылали костры, какъ говорилось тогда,—для отвлеченія вниманія турецкой арміи Османа.

Длинный рядъ гвардейской пѣхоты, конницы, артиллеріи и небольшого обоза тянулся изъ Лени-Баркача до часу ночи. При нѣкоторыхъ частяхъ пѣхоты неслись навязанныя войсками въ Лени-Баркачѣ фашины. Въ л.-гв. финляндскомъ полку навязаны они были въ $2\frac{1}{2}$ пуда каждая. Солдаты тащили ихъ съ собою 12 октября 1877 года съ тою цѣлью, чтобы, по занятіи непріятельскихъ позицій, тогда же приступить къ возведенію укрѣпленій,—фронтомъ къ Плевнѣ. Ружья несшихъ фашины несли другіе, сосѣдніе солдаты; были солдаты, несшіе по нѣсколько ружей каждый. Ослы („магары“ по мѣстному названію въ Болгаріи), при деньщикахъ офицеровъ, мѣстами тащили навьюченные на нихъ походныя вещи. Ими обзавелись многіе гвардейскіе офицеры послѣ переправы чрезъ Дунай, такъ какъ обозъ войсковыхъ частей, благодаря сквернымъ и гадкимъ путямъ сообщенія въ Болгаріи, никогда почти не успѣвалъ на бивакъ и не слѣдовалъ тотчасъ за своею частью. Несмотря на ихъ крики, раздражавшіе непріятно уши, въ походѣ къ нимъ невольно привыкаешь и они дѣлаются полезными спутниками многихъ.

По ровной, широкой дорогѣ, среди благодатной ночи, мелькали предъ нами равнины и холмы, которые, то монотонно растягивались, то опять поднимались, уступая мѣсто другимъ холмамъ и равнинамъ. Иногда лай собаки указывалъ на близость какого нибудь жилья, деревни. Мелькало не мало кустарниковъ, лѣсу. Но вотъ и рѣка Видъ. Гвардейскіе саперы устроили уже здѣсь спуски къ самой рѣкѣ и броды, которые были обозначены вѣхами съ нулемъ каждаго брода. У каждаго брода р. Вида сто-

яли саперы для указанія переправы. Изъ разныхъ полковъ были ранѣе собраны сюда части для вырубкѣ къ бродамъ просѣкъ въ густомъ, дубовомъ кустарникѣ. Мы видѣли тутъ три брода, по которымъ на нашихъ глазахъ и двигались войска при переправѣ чрезъ Видъ. Ширина Вида—до 70 сажень; мѣстами переходъ былъ таковъ, что ноги въ водѣ погружались у иныхъ по колѣна. Переправа чрезъ р. Видъ нѣсколько замедлила движеніе гвардейцевъ. Вотъ кто то сталъ бить гусей на Видѣ,—и эти выстрѣлы произвели не мало переполоха. За Видомъ сейчасъ же на берегу, поднимается богатая деревня Чириково (отъ Горняго Дубняка по прямой линіи—на разстояніи 7 верстъ), въ которой стояли уже наши казаки. Они только что предъ тѣмъ прославились тутъ блестящимъ дѣломъ. Двѣ сотни ихъ, посланныя для рекогносцировки, наѣзались въ Чириковѣ на трехтысячный кавалерійскій отрядъ и раскрошили ихъ. Турецкое населеніе бѣжало изъ Чирикова и болгары вскорѣ, вмѣстѣ съ казаками, уютно размѣстились въ угодьяхъ Чирикова. И хлѣба, и скота, и всякой домашней птицы и вина,—всего вдоволь тутъ досталось болгарамъ.

Вмѣсто 6½ ч. утра, какъ предполагалось, атака 12 октября 1877 г. была открыта только около 8 часовъ утра. Что турки не ожидали въ этотъ день дѣла,—это говорило большинство. Они начали бить тревогу, когда наши уже пошли на нихъ. Русскіе офицеры, бывшіе въ редутахъ въ этотъ день, по взятіи Горняго Дубняка рассказывали, что у иного была неприбрана постель, другой, видно, что не допилъ кофе и т. д. Объ этомъ тоже говорили потомъ и сами плѣнные.

Вотъ завязалась уже и ружейная перестрѣлка. Вторая гвардейская дивизія, гвардейскій саперный баталіонъ и стрѣлковая бригада открыли атаку на Горній Дубнякъ. Масса кавалеріи, румынскій баталіонъ и пр. составляли резервъ; былъ при этомъ

заперть западный входъ съ позицій Горняго Дубняка. Первая гвардейская дивизія стояла въ резервѣ — на случай вылазки Османа-паши. Въ числѣ участниковъ дѣла были и финскіе стрѣлки (стрѣлковый баталіонъ изъ Финляндіи). Для пресѣченія пути туркамъ, въ случаѣ отступленія отъ Горняго Дубняка, поставлена была гвардейская кавалерійская бригада, а л.-гв. егерскій полкъ съ частью кавалеріи атаковалъ Телишъ. Съ ранняго утра подъ Плевной гудѣли тогда раскаты орудій: бомбардировка арміи Османа-паши происходила въ этотъ день со всѣхъ батарей. Въ самомъ началѣ дѣла, шла мелкая аванпостная перестрѣлка; турки открыли ее по казачьему разъѣзду, посланному генераломъ Гурко для порчи телеграфа, соединяющаго Горній Дубнякъ съ Плевною. Огонь открытъ былъ при атакѣ Горняго Дубняка съ лѣваго фланга по турецкимъ укрѣпленіямъ. Наши орудія вышли тутъ и дѣйствовали съ холмовъ. Стрѣльба усиливалась. 54 орудія наконецъ съ трехъ сторонъ громили позиціи турокъ. Ихъ безпрерывный гулъ оглушалъ мало привычный еще до этого дѣла слухъ многихъ. Артиллерія гудѣла, забравшись на возвышенныя позиціи. Одна изъ батарей была на самомъ шоссе и съ курганчика рано завязала бой противъ укрѣпленій турокъ. Въ 10½ часовъ утра лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ взялъ приступомъ малый редутъ. Около 11 часовъ утра атака л.-гв. павловскаго и л.-гв. финляндскаго полковъ была отбита. Къ нимъ присоединилась кавказская бригада, подавшая имъ помощь съ праваго фланга. Отъ дер. Чириксво подступали въ началѣ л.-гв. московскій и л.-гв. гренадерскій полки. Туго велась однако атака. Въ числѣ раненыхъ уже были генералъ Задлеръ, командиръ л.-гв. гренадерскаго полка Любовицкій, полковникъ Скалонъ и др. Все дымилось впереди насъ и огни видѣлись среди этого хаоса. Грохотъ орудій страшный, трескотня

ружейная, звонъ какой-то при стрѣльбѣ изъ мѣдныхъ орудій,—все это возбуждало въ васъ какое-то непонятное чувство: не то страха, не то желанія попасть туда. Нѣсколько разъ слышалось громкое и восторженное „ура!“ русскихъ... Радость овладѣвала вашею душою. Другіе звуки „алла!“ доносятся до вашихъ ушей и—словно тяжелый камень залегъ въ ваше сердце.... Тамъ, вблизи дѣла только можно понять, что значить день горячаго боя... что стоитъ пробить тамъ, почувствовать все это!...

III.

„Красный Крестъ“ при гвардейскомъ корпусѣ въ Болгаріи.—Санитарные летучіе отряды „Краснаго Креста“.—Передовой перевязочный пунктъ „Краснаго Креста“ подъ Горнимъ Дубнякомъ.—Раненые гвардейцы.—Переполюхъ.—Извѣстіе о побѣдѣ.—Объ атакѣ Горняго Дубняка и Телиша.—Трофеи.—Плѣнный Ахмедъ-Хивзи-паша.—Значеніе побѣды.

9-го октября 1877 года мы стояли въ Боготѣ цѣлой семьей врачей и студентовъ, сплотившихся въ летучихъ отрядахъ и этапномъ лазаретѣ Государыни Цесаревны. По возвращеніи изъ-подъ Тульченицъ (гдѣ мы осматривали наши и турецкія позиціи подъ Плевной и самую Плевну), мы узнали, что и въ первомъ дѣлѣ гвардіи намъ придется работать на перевязочномъ пунктѣ. Д-ръ А. А. Генъ, старшій врачъ лазарета (нынѣ приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи) сообщилъ намъ, что два летучихъ отряда выступаютъ въ дѣло чрезъ Лени-Баркачъ.

12-е октября 1877 года было днемъ осуществленія давно желанной мечты нашей семьи врачей, студентовъ и нѣсколькихъ санитаровъ, связанныхъ во все время похода общими узами невзгодъ и лишеній, радостей и горя... Давно желали мы попасть на перевязочные пункты, — туда, гдѣ гово-

рятъ иногда плачутъ умаявшіеся отъ труда врачи и ихъ помощники!... Мы выступили въ первое дѣло на перевязочномъ пунктѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ.

Переправаясь чрезъ р. Видъ и Чириково, мы устроили передовой перевязочный пунктъ въ 3-хъ верстахъ отъ дер. Горній Дубнякъ, вѣ линий выстрѣловъ. Съ полковыхъ перевязочныхъ пунктовъ, а главнымъ образомъ прямо съ полей сраженія, къ намъ прибывали уже раненные, со сдѣланными наскоро косыночными перевязками. Колодезь вблизи дороги, по которой шли въ дѣло нѣкоторыя наши войска, былъ центромъ нашей работы до глубокихъ сумерекъ. Это происходило среди обширной поляны, окаймленной массой дубовыхъ кустарниковъ и небольшими холминами. Носилки были разставлены, ящики съ перевязочными средствами раскрыты, санитары наполнили ирригаторы водою, — и къ намъ вскорѣ нахлынули массы раненныхъ. Въ составъ 2-хъ летучихъ отрядовъ на перевязочномъ пунктѣ входили: 1) врачи: Веймаръ, Янковскій и Гаусманъ; 2) студенты Императорской медико-хирургической академіи: Емельяновъ, Кипріяновъ (въ послѣдствіи за переходъ чрезъ Балканы получилъ солдатскаго Георгія), Конопасевичъ, Гласко (тоже получившіе Георгія *) и Поповъ; 3)

*) Находившіеся въ летучихъ отрядахъ „Краснаго Креста“ при гвардейскомъ корпусѣ въ дѣйствующей арміи, врачи: Веймаръ и Головачевъ, вмѣстѣ съ студентами: Конопасевичемъ, Емельяновымъ, Гласко и Кипріяновымъ, совершили до конца Забалканскій походъ. Они работали въ послѣдствіи въ авангардномъ отрядѣ при подаіи помощи отмороженнымъ, ухаживая за ними во время перехода чрезъ Балканы; подъ Правцемъ они работали подъ огнемъ. Кромѣ того, они принимали участіе перевязками и уходомъ за ранеными на перевязочномъ пунктѣ въ славномъ дѣлѣ 4 января 1878 г., во время ночного боя л.-гв. литовскаго полка подъ Филиппополемъ, у дер. Карагачъ.

студенты Императорскаго с.-петербургскаго университета: Титовъ и Ляндгамеръ; 4) фельдшеръ Львовъ и 5) четыре санитаря, изъ которыхъ немовѣрно трудился г. Чеховъ. При уполномоченномъ „Краснаго Креста“ А. С. Петлинѣ, тутъ кромѣ того находился его помощникъ Вл. А. Бокъ.

Санитарные носильщики выступили съ нашего перевязочнаго пункта для оказанія помощи раненымъ. Нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ тутъ сами попадали такими же ранеными. Нашъ перевязочный пунктъ находился въ 2-хъ верстахъ отъ первыхъ турецкихъ ложементовъ и въ 3-хъ верстахъ отъ деревни—Горній Дубнякъ. Во время устройства его, до прибытія массы раненыхъ, студентъ Емельяновъ взлѣзъ на дерево, съ любопытствомъ высматривая впередъ.

— Видно что-нибудь? спрашиваютъ его.

— Наши войска, колонны.... дымъ линіями, бѣлые ряды облачковъ, огонь....

— И близко?

— А вотъ сейчасъ тутъ, за опушкой лѣса дубоваго.

— И турки видны?

— Нѣтъ.

И многіе изъ насъ выглянули впередъ.... Все дымилось впереди линій виднѣвшагося огня....

— Вонъ, должно быть, санитары изъ лѣса ужъ ведутъ раненыхъ.

— Несутъ на носилкахъ къ намъ.... работать, значитъ, будемъ.

Я побрелъ въ слѣдъ за санитарями-носильщиками. А. С. Петлинъ, нашъ уполномоченный шелъ назадъ на перевязочный пунктъ съ прострѣленной фалдой....

Добрался я, наконецъ, до лежавшаго на землѣ и стонавшаго раненаго.

— Гдѣ рана? говори скорѣ!....

— Тутъ!.... показалъ раненый на правое пле-

чо, тяжело вздохнувъ со стономъ. Я перевязалъ рану и отправился вмѣстѣ съ нимъ на свой перевязочный пунктъ. По дорогѣ уже тянулись пѣшеходы раненные, иные ползли, нѣкоторыхъ же несли на носилкахъ.

На перевязочномъ пунктѣ мы застаемъ уже многихъ страдальцевъ. Скоро вся поляна и окружающій ее лѣсокъ покрылись массой всевозможныхъ раненныхъ, такъ что мы не успѣвали перевязывать. Раздавались стоны и крики о помощи. Тотъ просить водицы глотокъ; тамъ кто-то поминаетъ мать, жену; дѣти кому-то пришли на память, и онъ, въ бреду, въ тяжелой агоніи, бормочетъ, прощаясь съ ними и испуская послѣдній вздохъ!... О, сколько физическихъ и нравственныхъ мукъ испытываютъ эти несчастные страдальцы!..... Патроны, ружья, одежда, сумки—все, окровавленное свѣжею, еще неостывшею кровью и разбросанное въ беспорядкѣ массами, дополняло эту картину.

Работа закипѣла, всѣ перевязывали. Санитарами доставленъ былъ къ намъ, на перевязочный пунктъ съ поля сраженія гвардейскій офицеръ. Вотъ одинъ изъ товарищей-студентовъ просить меня къ себѣ. Онъ снялъ у этого раненого офицера бѣлую косынку, которою была повязана рука его поверхъ новенькаго сюртука, изъ подъ котораго сочилась кровь. Тампонъ, вложенный во входное отверстіе раны офицера, выскочилъ. Я подошелъ, чтобы оказать помощь. Скоро кровь потекла меньше, хотя на окровавленные руки наши еще попадали ея крупныя капли. Приглашенный врачъ изъ отряда „Краснаго Креста“ обратился къ намъ со словами:

— Пластайте ножницами въ такихъ случаяхъ платъ, не жалѣя его. Помните, что жизнь для раненаго гораздо дороже новенькаго гвардейскаго сюртука! Тутъ нечего медлить, пока вы снимете платъ!

Совѣтъ былъ дѣйствительно принятъ всѣми на-

ми и потомъ, при перевязкахъ, въ важныхъ случаяхъ, приходилось разрѣзать ножницами не только грудь и спину мундировъ, но и шитые золотомъ гвардейскіе воротники. Конечности же въ такихъ случаяхъ, послѣ перевязки, забинтовывались поверхъ платья.

— Перевяжите, братцы!... пожалуйста!... кровь сочится чрезъ косынку!... стонетъ раненый павловецъ!...

— Ахъ ты, мать моя!... перебьютъ всѣхъ нашихъ-то!... экіе, какіе нехристи!... засѣли они съ чертовскимъ англичанскимъ оружіемъ-то, — да и сыплютъ пулями, какъ градомъ!... вопилъ другой раненый.

— Ой, слышь, братецъ!... кровью-то все затекло!... перевяжите, Бога ради!... Ой!... сто-налъ третій.

— Охъ!... ай, умру!... Ай, смерть моя пришла!... ой, всѣхъ нашихъ-то укокошатъ... Вѣдь ихъ-проклятыхъ не видно ни единого.

— Полно, Ванька, врать-то, говорилъ легко раненый въ палецъ: — погляди-ка, какъ еще пожалуй сегодня турокъ наши укокошатъ.

— Ой, ой, ой!... дайте водички испить... горло пересохло!... ой, ой!... потише перекладывайте на носилки-то!...

Стонамъ и воплямъ, кажется, не было и конца. При такой тяжелой обстановкѣ, среди раненыхъ и умирающихъ работали мы безостановочно, дорожа каждою секундою. За то уже со втораго дня такой работы начала болѣть каждая часть тѣла.

Вотъ что-то появилось около дороги.

— Знамя принесли, говоритъ кто-то.

— Турецкое?

— Нѣтъ, русское!...

Уныніе и стоны усилились. Иные думали, что Горній Дубнякъ не будетъ нашъ. Приходятъ извѣстія, что наши выгоняютъ изъ траншей турокъ,

достигаютъ редута.... Говорятъ потомъ вновь прибывшіе раненные, что наши опять отступаютъ немного назадъ. Вотъ опять пришла вѣсть, что наши турокъ выгнали изъ траншей и залегли вблизи редута.

— Значить, наши идутъ впередъ? спрашиваютъ раненные съ любопытствомъ.

— Впередъ подвигаются.

Лица всѣхъ на время просіяли радостью, многіе осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

— Много убитыхъ и раненныхъ?

— Какъ дровъ наложено, страсть просто! отвѣчаетъ только что прибывшій на перевязочный пунктъ лейбъ-гренадеръ.

Офицеры далеко не такъ относились къ дѣлу, какъ многіе солдаты. Всякій изъ нихъ понималъ всю трудность и важность боя подъ Дубнякомъ. Первыми изъ офицеровъ, перевязанныхъ мною, были: М. Русскій—л.-гв. гренадерскаго полка, Габриловичъ—л.-гв. московскаго полка (раненъ былъ осколкомъ гранаты въ правое бедро), Дрожковскій—л.-гв. московскаго полка (раненъ въ правую темянную область), Римапъ—капитанъ л.-гв. московскаго полка (контуженъ въ правую голень), Фонъ-Ольдерогге—капитанъ л.-гв. павловскаго полка (раненъ въ правое бедро), и др. Сначала на перевязочномъ пунктѣ, мы стали записывать всѣ отмѣтки о раненныхъ въ выданныя намъ санитарныя книжки, но потомъ работы была такая масса, что мы не успѣвали перевязывать; заниматься же письмоводствомъ при этомъ не было положительно никакой возможности. Однако позже надо было выдавать свидѣтельства о характерѣ раны.

Вдругъ среди хлопотливой работы, среди стонъ и воплей тяжело раненныхъ, изъ которыхъ иные утихали на вѣки, среди картины прибывающихъ на перевязочный пунктъ новыхъ раненныхъ, произошелъ какой-то переполохъ. Курьеръ

еще засвѣтло прискакалъ отъ генерала Гурко съ извѣстіемъ, что наши начинаютъ отступать, и скоро начнутъ бить отбой, и что генераль Гурко приказалъ переправить всѣхъ раненыхъ за рѣку Видь, гдѣ былъ устроенъ главный эвакуаціонный пунктъ. Настали самыя тяжелыя минуты, которыя переживалъ каждый изъ насъ на перевязочномъ пунктѣ. Еслибы отступление сбылось въ дѣйствительности, то намъ съ ранеными не только предстояла бы опасность отъ прихода турокъ, но кромѣ того, насъ могла бы помять отступающая кавалерія, такъ какъ мы были на самой дорогѣ отступленія. Стоны и крики въ это время усилились до невѣроятности. Настала паника. Шестидесяти какихъ-нибудь подводъ, работавшихъ при переправѣ не одной тысячи раненыхъ съ нашего перевязочнаго пункта, было крайне недостаточно. Пришлось употребить хитрость, чтобы разсѣять хоть сколько нибудь тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя полученнымъ извѣстіемъ. Мы усилили отправку раненыхъ гвардейцевъ къ эвакуаціонному пункту, за рѣку Видь. Имъ было объявлено, что тамъ приготовленъ для нихъ обѣдъ... Не на всѣхъ одинаково успокаивающимъ образомъ подѣйствовало это извѣстіе. Раненые прибывали на пунктъ и приносили новыя тревожныя вѣсти.

— Спасайтесь!... простоналъ кто-то. И вмигъ масса двинулась по дорогѣ, кто ползъ; кто шель, опираясь на палку; кто плелся съ раненой ногой, опираясь на ружье, телѣги переполнялись масса-ми искалѣченныхъ въ этотъ день людей. Все это двигалось по дорогѣ и опушкѣ лѣса, окаймляющей ее. Иные отстали и не могли двигаться дальше. О записываніи раненыхъ въ санитарныя книжки не могло быть и рѣчи. Раненые утверждали, что 2-й стрѣлковый баталіонъ былъ посланъ для очистки шоссе отъ непріятеля. Стрѣлки шли подъ градомъ пуль, финнскій и Императорскій стрѣлковый

баталіоны были впереди... Слава Богу, что турецкіе гранаты плохо разрывались...

Одинъ изъ полковъ 1-й гвардейской дивизіи (л.-гв. измайловскій) шелъ на помощь атаковавшимъ Горній Дубнякъ съ командиромъ, генераломъ Эллисомъ 2-мъ. Поздно вечеромъ, когда мы перенбрались съ большой массой раненыхъ, получено было печальное извѣстіе о кончинѣ Его Императорскаго Высочества Сергія Максимиліановича, поразившее всѣхъ. Вслѣдъ затѣмъ съ быстротою молніи облетѣло всѣхъ радостное извѣстіе, что Горній Дубнякъ съ его твердынею — большимъ редутомъ, пушками (тутъ было 4 круповскихъ сильныхъ орудія), большимъ знаменемъ и массой плѣнныхъ (2,235 нижнихъ чиновъ, 53 офицера и паша) взятъ. Радостью просіяли лица всѣхъ раненыхъ, многіе крестились и благодарили Бога за дарованную побѣду. Я видѣлъ одного умирающаго изъ числа тяжело раненыхъ. Онъ не могъ произнести ни слова; но когда сестра милосердія подошла къ нему съ глоткомъ водицы и ему сказали о томъ, что русскіе взяли Дубнякъ, на лицѣ его показалась болѣзненная улыбка и послѣ тяжелаго вздоха онъ скоро закрылъ свои глаза на вѣки.

Въ дѣлѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ было 60 орудій, изъ которыхъ 48 девятифунтовыхъ и 12 четырехфунтовыхъ. Тяжелая артиллерія поставлена была очень близко—на 300 саженой, тогда какъ нормальное прицѣльное пространство девятифунтоваго орудія—700 или 800 саж. Артиллеріи тутъ не дали хорошо обстрѣлять турецкихъ укрѣпленій. Взятый въ плѣнъ въ Горнемъ Дубнякъ, Ахмедъ-Хивзи-паша самъ говорилъ, что еще нѣсколько часовъ сильной бомбардировки, и онъ принужденъ былъ бы сдаться. Паша—природный болгаринъ.

При взятіи въ плѣнъ турецкой арміи, Ахмедъ-Хивзи-паша былъ представленъ генералу Гурко.

— Не стыдно сдаваться съ такимъ храбрымъ войскомъ, сказалъ, передавая свою шпагу, паша.

— И я, отвѣтилъ Гурко, считаю за честь взять въ плѣнъ такого храбраго генерала.

Вечеромъ того же дня, 12 октября 1877 года, на нашей кухнѣ „Краснаго Креста“, грѣлся этотъ плѣнный Ахмедъ-Хивзи-паша съ начальникомъ своего штаба.

Нашими трофеями при взятіи Горняго Дубняка были: большое турецкое знамя, 1 паша, 53 офицера, 2,235 нижнихъ чиновъ, 4 круповскихъ дальнобойныхъ орудія, имѣвшихъ слѣды значительныхъ поврежденій, которыя были краснорѣчивыми свидѣтелями того, какъ дѣйствовали выстрѣлы нашей артиллеріи, затѣмъ огромное число ружей и боевыхъ патроновъ.

Такимъ образомъ, на долю гвардіи выпало отрѣзать путь Осману, завершить прочное обложеніе Плевны и арміи Османа-паши.

IV.

Подробности атаки Горняго Дубняка.—Колонны со стороны Плевны, Чирикова и Телиша.—Охрана тыла и лѣваго фланга.—Расположеніе резервовъ и частей войскъ при атакѣ.—Летучая почта.—Отрядъ полковника Челищева.—Лейбъ-гренадеры.—Саперы.—Дѣйствія лѣвой колонны.—Финляндцы и павловцы.—Императорскій кошвой.—Дѣйствіе праваго фланга.—Взятіе малаго редута.—Отпоръ турокъ при взятіи большаго редута.—Штурмы его.—Наши въ большомъ редутѣ.—Турки сдаются.—Ихъ звѣрства.—Первое русское знамя, развѣвавшееся въ большомъ редутѣ.—Третья гвардейская дивизія при занятіи Софійскаго шоссе.

Остановимся на подробностяхъ хода атаки подъ Горнимъ Дубнякомъ. Въ частности распределение силъ при атакѣ, по распоряженію ген. Гурко, было слѣдующее: а) со стороны Плевны—гвардейская стрѣлковая бригада (4-ре баталіона), ея артиллерія (16 пѣшихъ орудій) и 3 сотни казаковъ подъ командою ген.-маіора Эллиса I-го; б) со стороны Чирикова—первая бригада (8 баталіоновъ) 2-й гвард. пѣхотной дивизіи, ея артиллерія (16 орудій) и л.-гв. саперный баталіонъ, двинувшіеся подъ командою ген.-маіора Зедделера, по тропинкѣ, правѣе лѣсковъ, находящихся между Горн. Дубнякомъ и Чириковымъ, и в) со стороны Телиша—2-ая бригада 2-й гвард. пѣхотной дивизіи (8 баталіоновъ) и ея артиллерія (16 пѣшихъ орудій), подъ командою ген.-маіора Розенбаха. Вслѣдъ за колонной, выступившею по Сви-

нарской балкѣ для дѣйствій противъ Телиша, подвигалась впередъ, одновременно съ атакой правыхъ колоннъ, и лѣвая колонна для атаки Горняго Дубняка. Лейбъ-гренадеры съ средняго фланга сдѣлали неожиданно атаку на сильно укрѣпленный малый горно-дубнякскій редутъ. Средняя колонна двигалась сначала по вязкимъ кукурузнымъ полямъ, затѣмъ густымъ дубовымъ кустарникомъ, приче́мъ ея артиллерійскія орудія съ трудомъ взби́рались на холмъ, скрывавшій отъ нашихъ войскъ укрѣпленія непріятеля.

Въ отдѣльности, распреде́леніе другихъ войсковыхъ частей было таково:

Между Горнимъ Дубнякомъ и Телишемъ, для охраны тыла и лѣваго фланга, была 2-я бригада 2-й гвард. пѣхотной дивизіи, 1-я бригада 2 кавал. гв. дивизіи (8 эскадроновъ) и ея батарея (6 конныхъ орудій).

Три полка (12 баталіоновъ) 1-й гвардейской пѣх. дивизіи, ихъ артиллерія (32 пѣшихъ орудій), и сотня казаковъ были расположены въ резервномъ порядкѣ по дорогѣ изъ Чирикова, фронтомъ къ сторонѣ Дольнаго Дубняка, вокругъ котораго изъ войскъ было образовано непрерывное кольцо.

3-я бригада 2-й гвард. кавалер. дивизіи (7 эскадроновъ) и двѣ конныхъ батареи (12 конныхъ орудій) должны были стать позади Дубняка, впереди Чирикова.

Кавалерійскій медованскій отрядъ отправился по направленію къ Дольному Дубняку, чтобы не допустить турокъ двинутся изъ этой деревни, для оказанія помощи войскамъ, занимающимъ позицію у Горняго Дубняка (12 эскадроновъ и 12 конныхъ орудій).

Семередь-тростеникскій кавалерійскій отрядъ долженъ былъ направиться къ Дольне-

му Дубняку и дѣйствовать противъ этой деревни для оказанія помощи войскамъ, занимающимъ позицію у Горняго Дубняка.

Отрядъ полковника Черевина назначенъ былъ для дѣйствій противъ турецкихъ позицій у Гурняго Дубняка съ запада для содѣйствія атаки 2-й гв. дивизіи и стрѣлковой бригады (66 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій).

Отрядъ генерала Чернозубова долженъ былъ подойти къ Плевно-Софійскому шоссе и, въ случаѣ выхода турецкихъ войскъ Османа изъ Плевны, стараться задержать, или по крайней мѣрѣ замедлить движеніе къ Горнему Дубняку (7 сотенъ и 6 конныхъ орудій).

1-й баталіонъ л.-гв. московскаго полка былъ оставленъ на правомъ берегу р. Вида у сел. Медованъ.

Самъ генераль Гурко, командовавшій боемъ, находился въ началѣ боя между 1-ю бригадою 2-й гвард. пѣхотной дивизіи и 2-ю гвард. стрѣлковою бригадою. Устроена была летучая почта, возложенная на генераль-маіоровъ Лошкарева и Арнольди и флиг.-адъютанта Свиты Его Величества полковника барона Мейендорфа.

Въ то же время происходило движеніе на телишскія укрѣпленія. Съ л.-гв. егерскимъ полкомъ для атаки Телиша на 12 октября 1877 г. были двинуты 8 пѣш. гвард. орудій, 6 конныхъ орудій, 2-я бригада 2-й гвард. кавалерійской дивизіи (7 эскадроновъ) и сотня казаковъ подъ командою полковника Челищева при начальникѣ штаба его, подполковникѣ баронѣ Криденерѣ. Движеніе частей, находившихся въ составѣ этого отряда, было нѣсколько замедлено въ началѣ переходомъ чрезъ одну канаву.

На разсвѣтѣ начались боевыя приготовленія

гвардіи, закончившіяся блестящей и славной побѣдой. Труденъ былъ этотъ день, много крови пролилось; но это вполне понятно при видѣ такой серьезной и важной цѣли, которая выпала на долю отборнаго русскаго войска.

Выстрѣлы турокъ по казацкому разъѣзду, уничтожившему телеграфную связь между Горнимъ Дубнякомъ и Шлевною, были первыми. Скоро турецкіе пикеты дали залпъ по генералу Гурко, ѣхавшему впереди колоннъ съ большою свитою. Прилетели три безвредныя гранаты тутъ отъ турокъ. Турецкій лагерь огласился звуками трубъ, забили тревогу.... Благодаря этимъ звукамъ, лейбъ-гренадеры пошли на нихъ прямо. Тутъ были кромѣ того павловцы, 15 и 16 роты л.-гв. московскаго полка. По лейбъ-гренадерамъ, за полторы версты отъ главнаго редута, турками былъ открытъ частый ружейный огонь изъ малаго редута. Лейбъ-гренадеры шли впередъ безотвѣтно на ихъ выстрѣлы. На разстояніи 850 саж., съ вершины холма, 1-я и 2-я батареи 2-й гв. артил. бригады открыли огонь противъ непріятеля. Произошла задержка въ движеніи л. гренадеръ, вслѣдствіе задержанія (обходомъ лѣвой колонны чрезъ глубокую канаву) лѣвой колонны. Вотъ начали показываться стройные ряды павловцевъ и финляндцевъ. Батарея лѣвой колонны смѣло уже начала дѣйствовать огнемъ противъ большаго редута. Около 9 часовъ утра, 12 октября 1877 г., лейбъ-гренадеры атаковали турокъ, выгоняя ихъ изъ передовыхъ ложементовъ. „Ура!“ разносилось въ воздухѣ. Подъ градомъ пуль и разрывавшихся снарядовъ находились атакующіе. Большое пространство было покрыто убитыми и ранеными, но это не остановило неустрашимыхъ и отважныхъ гвардейцевъ. Турки бѣжали въ большой редутъ, иные изъ нихъ тутъ же были переколоты и перебиты нашими. Взятіе малаго редута стоило однихъ лейбъ-гренадеръ: убитыми —

около 200 и ранеными—около 400. Самъ командиръ ихъ былъ раненъ пулею въ плечо на вылетъ. Много случаевъ храбрости и высокихъ подвиговъ было въ этомъ дѣлѣ!....

При геройской, отважной атакѣ лейбъ-гренадерами малаго редута, первыми вскочили на брустверь поручики Шейдманъ и Мачаверіани. Первый изъ нихъ, раненый тутъ же, убилъ наповаль изъ револьвера турецкаго офицера, который бросился на него изъ редута съ саблей. Унтеръ-офицеръ 7-й роты л.-гв. гренадерскаго полка Морозовъ закололъ штыкомъ турецкаго офицера, который въ отчаяніи звалъ на помощь турокъ съ большаго редута....

Чрезъ взятіе малаго редута лейбъ-гренадеры приблизились къ большому редуту на разстояніе около 200 шаговъ.

Лейбъ-гренадеры преслѣдовали турокъ, удиравшихъ въ большой редутъ; при этомъ имъ помогали 3-й и 4-й баталіоны л.-гв. московскаго полка; бросившіеся на „ура!“; они заняли шоссе и укрылись за его канавами. При этой атакѣ, выполненной по волѣ барона Задлера, начальникъ средней колонны былъ раненъ пулею въ животъ, а потому командованіе имъ было сдано генералу Броку; самъ же генералъ Задлеръ былъ перенесенъ на перевязочный пунктъ. Тутъ же былъ раненъ въ цѣпи 4-го баталіона л.-гв. московскаго полка командиръ его, полковникъ Поливановъ 2-й. Подпоручикъ Рубинскій бросился впередъ съ „ура!“, и пуля ранила его въ открытый ротъ.

Начался штурмъ большаго редута. Лейбъ-гренадеры двинулись впередъ. При этомъ въ числѣ раненыхъ былъ командиръ 1 бат. полковникъ Аспелундъ 1-й. Перестрѣлка шла съ обѣихъ сторонъ. Гвардейскіе саперы, часть которыхъ (взводъ роты Его Величества) была двинута съ отрядомъ Челищева на Телишь, подвинулись

также отъ Чирикова къ малому редуту, въ резервъ за среднюю колонною. Подойдя къ линіи батарей, они слѣдили за гуломъ выстрѣловъ и, выступая потомъ по кукурузному полю далѣе, приблизились къ малому редуту, а затѣмъ пошли впередъ на помощь лейбъ-гренадерамъ, при чемъ командиръ сапернаго баталіона полковникъ Скалонъ былъ раненъ пулею въ животъ; командованіе сдано было капитану князю Аргутинскому-Долгорукому. Движеніе саперовъ происходило подъ адскимъ огнемъ, при видѣ убитыхъ и раненыхъ лейбъ-гренадеръ. Саперы начали окапываться вмѣстѣ съ пѣхотинцами, безъ всякихъ почти шанцевыхъ инструментовъ: тесаками, манерками и даже руками. Но штурмъ большаго редута въ началѣ, при его трудности, не привелъ къ желанному результату. Несмотря на это, атака большаго редута продолжалась при участіи саперовъ.

Лѣвая колонна, шедшая въ атаку Горняго Дубняка, шла сначала по Свинарской балкѣ, потомъ пошла вправо — къ Софійскому шоссе. Движеніе ея замедлилось переходами чрезъ овраги. При Софійскомъ шоссе былъ устроенъ перевязочный пунктъ у проселочной дороги, сворачивавшей влѣво отъ шоссе. При немъ находилось отъ каждаго полка по взводу ($\frac{1}{2}$ роты). Послѣ сдѣланныхъ распоряженій, вызваны были санитары и носильщики. За приваломъ лейбъ-гвардіи павловскій полкъ лѣвымъ плечомъ зашелъ впередъ по правую, а лейбъ-гвардіи финляндскій по лѣвую сторону отъ Софійскаго шоссе. Выступившія батареи открыли огонь съ холмовъ, на разстояніи 900 сажень отъ большаго редута.

Финляндцы понесли большія потери при наступленіи. Тутъ можно было разглядѣть укрѣпленія и оврагъ, соединяющійся съ оврагомъ рѣчки Дубничанки, за которою виднѣлись бѣлыя палатки турокъ. Въ 11 часовъ утра часть москвичей была

въ шоссейной канавѣ; она заняла оставленные турками ложементы и разныя прикрытія: шалаши, кучки хвороста и пр. Были случаи отдѣльных перебѣжекъ. Въ 3 часа по полуд. лейбъ-гренадеры стояли у домика шагахъ въ 40 и на шоссе — шагахъ въ 100 отъ главнаго редута. Иные изъ перебѣжчиковъ мѣшали туркамъ взбираться на брустверь, чтобы стрѣлять въ русскихъ, находившихся во рву. Финляндцы прошли подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, по открытой мѣстности, около 1,800 шаговъ. Павловцы прошли по открытой мѣстности тоже большое пространство, имѣя возможность отдохнуть въ канавахъ шоссе. Вотъ артиллерійскій огонь турокъ съ большаго редута направленъ противъ финляндцевъ; вправо отъ нихъ затрещали ружейные и пушечные выстрѣлы и раздалось оглушительное „ура!“ гренадеръ, въ то время бравшихъ малый редутъ.

Пошли въ атаку павловцы, измѣнивъ нѣсколько свое первоначальное направленіе. Огонь турокъ направленъ былъ на нихъ, и павловцы открыли частый огонь противъ турокъ большаго редута. Часть финляндцевъ переходила открытое пространство, отдѣлявшее ихъ отъ большаго редута. Несмотря на адскій огонь, тутъ были заняты и ложементы, оставленные турками при приближеніи къ нимъ финляндцевъ. Скоро большое зарево показалось вблизи турецкихъ позицій; оно указывало на успѣхъ нашего огня. Послѣ краткаго отдыха, павловцы, въ виду малаго редута, съ „ура!“ начали атаку большаго редута. Около 2 часовъ дня финляндцы подъ командой генерала Лаврова бѣгомъ двинулись на большой редутъ, подъ градомъ пуль, давшихъ много убитыхъ и раненыхъ. Но финляндцы должны были тутъ отступить нѣсколько... Вообще, турки съ этой стороны давали отчаянный отпоръ.

Во главѣ правой колонны, для атаки Гор-

няго Дубняка, находился Императорскій конвой подъ начальствомъ полковника Жукова. Эта колонна направилась между Горнимъ Дубнякомъ и Дольнимъ къ Софійскому шоссе по кукурузному полю, утопая въ грязи. Конвой выгналъ изъ ложементовъ турецкую пѣхоту и попавшихся на встрѣчу черкесовъ, бывшихъ впереди шоссе. Во время перестрѣлки съ турецкой пѣхотой, былъ раненъ самъ полковникъ Жуковъ. Въ это время пришла вѣсть о выступленіи табора изъ Дольняго Дубняка. 2-й баталіонъ гвардейской стрѣлковой бригады подъ начальствомъ полковника Гриппенберга отразилъ турокъ, въ безпорядкѣ бѣжавшихъ въ Дольній Дубнякъ. Одновременно съ дѣйствіемъ лейбъ-гренадеръ, 1-й стрѣлковый Его Величества, 3-й стрѣлковый финскій и л.-гв. Императорской фамиліи баталіоны, а также и другія части этой колонны, подъ наблюденіемъ самаго генерала Турко, открыли наступленіе; задымилась и загремѣли орудія съ этого фланга. При этомъ долетали и гранаты своихъ, русскихъ (девятифунтовыхъ) орудій въ правую колонну. Около 12 часовъ дня весь артиллерійскій огонь былъ прекращенъ. Одну батарею прикрывалъ лейбъ-гвардіи стрѣлковый Его Величества баталіонъ, подошедшій подъ градомъ пуль на разстояніе 400 шаговъ отъ непріятеля. Цѣнь его залегла за валикомъ шоссе и въ траншеяхъ, покинутыхъ непріятелемъ. Командиръ баталіона, флигель-адъютантъ полковникъ Эбелингъ пытался атаковать редутъ, но подъ свинцовымъ градомъ онъ самъ былъ тяжело раненъ въ ногу. При безостановочной стрѣльбѣ со стороны турокъ, раненаго полковника Эбелинга не могли отправить на перевязочный пунктъ до конца боя, потомъ онъ попалъ на нашъ перевязочный пунктъ летучихъ отрядовъ „Краснаго Креста“. Изъ раненыхъ этого баталіона находились еще: капитанъ Скарятинъ, поручикъ Совримовичъ и штабсъ-капитанъ Арсеньевъ.

Первая линія стрѣлковъ наступала по-
ротно, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Поговари-
вали, что тутъ турецкія пули имѣли силу и на 2,400
шаговъ, и не удивительно, что число раненыхъ и уби-
тыхъ съ нашей стороны увеличивалось. Но вотъ, по
приказанію генерала Эллиса 1-го, 4-й л.-гв. стрѣл-
ковый Императорской фамиліи баталіонъ вышелъ
въ первую линію и встрѣтился скоро съ 30 солдата-
ми лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, вблизи турец-
каго люнета. Много турокъ при этомъ ушло къ
большому редуту. Люнетъ былъ занятъ стрѣлками,
находившимися подъ начальствомъ полковника гра-
фа Клейнмихеля, которые тогда же выбили изъ ло-
жементовъ турокъ, бывшихъ неподалеку отъ нихъ.
(За это дѣло 4-й стрѣлковый Императорской фамиліи
баталіонъ, 25 ноября 1878 г., получилъ Георгіевское
знамя). При этомъ загорѣлись отъ вспыхнувшихъ
турецкихъ снарядовъ сучья и хворостъ, которые
однако скоро были потушены.

Около 11¹/₂ час. дня, 12 октября, примкнулъ къ
этимъ стрѣлкамъ лейбъ-гвардіи 2-й стрѣлковый ба-
таліонъ; образовалась цѣпь стрѣлковъ, прерываемая
промежутками. Въ это время генераль Скобелевъ
бралъ „Рыжую гору“, а лейбъ-гвардіи волынскій
полкъ съ первымъ баталіономъ л.-гв. московскаго пол-
ка изъ Медована атаковалъ турецкія верки у селе-
нія Трнина. Три полка 1-й гвардейской дивизіи
и значительная часть кавалеріи, для отраженія
предполагаемой вылазки Османа изъ Плевны, стоя-
ли на мѣстѣ. Здѣсь тогда было получено извѣстіе
объ отступленіи русскихъ подъ Телишемъ.

При всемъ этомъ, задача взятія больша-
го редута теперь была главною и ею нельзя бы-
ло медлить. Выступилъ, по распоряженію генерала
Гурко, со своей позиціи лейбъ-гвардіи измайловскій
полкъ подъ командою генерала Эллиса 2-го. Къ сча-
стью, Османъ не думалъ выручать Гор-
ній Дубнякъ, благодаря тому, что былъ введенъ

въ заблужденіе демонстраціями подъ Плевной и предполагалъ, что будетъ штурмъ. Пройдя шосе, измайловцы очутились въ роѣ свистѣвшихъ пуль. Въ 12³/₄ час. дня, 4-й баталіонъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка проходилъ мимо генерала Гурко. Лѣвымъ флангомъ баталіонъ упирался на шосе, а правымъ примыкалъ къ стрѣлкамъ. 3-й баталіонъ шелъ правѣе частью по равнинѣ, а частью по легкому склону лощины, спускавшейся къ рѣкѣ Дубничкѣ. На разстояніи 700 шаговъ отъ большаго редута, измайловцы открыли огонь, идя съ воодушевленіемъ и соблюдая полное хладнокровіе и порядокъ; здѣсь люди третьяго баталіона измайловцевъ приняли за непріятеля 4-й стрѣлковый баталіонъ. 2-й баталіонъ измайловцевъ былъ отправленъ генераломъ Гурко къ мѣсту, гдѣ стояли саперы, лѣвѣе московцевъ для поддержанія средней колонны. Словно свинцовый ураганъ, неслись турецкія пули противъ нихъ, по рассказамъ очевидцевъ. Правѣе и около малаго редута этотъ баталіонъ, кромѣ 8-й роты, залегъ въ оставленные турками ложементы; 8-я рота попала за лѣвый флангъ малаго редута; первый же баталіонъ измайловцевъ сдѣлалъ довольно большое обходное движеніе.

Генералъ Гурко, въ сопровожденіи генерала Нагловскаго, 2 ординарцевъ и 2 казаковъ, приближаясь къ батарее средней колонны, передалъ генералу Броку приказаніе объ общемъ штурмѣ. Около половины втораго генералъ Гурко отиравился къ колоннѣ графа Шувалова, а въ началѣ 3-го часа — прибылъ къ батареямъ лѣвой колонны, куда уже прибыла вторая лейбъ-гвардіи конная батарея. Передано было графу Шувалову распоряженіе о немедленномъ штурмѣ большаго редута и назначено было девять залповъ съ батарей (по три съ каждой колонны), которые должны были послужить сигналомъ для общей атаки. Настало нѣкоторое затишье въ перестрѣл-

къ, раздавались лишь одиночные выстрѣлы: это были минуты торжественнаго ожиданія. Вотъ опять турецкій огонь участился до неимоверныхъ размѣровъ; оглушительная стрѣльба раздавалась съ нашей стороны. Въ непрерывномъ громовомъ звукѣ слишкомъ десятка тысячъ нельзя было разобрать даже залповъ цѣлыхъ батарей. Гаряисты подали сигналы къ атакѣ. Цѣлыя тучи свинца неслись на встрѣчу атаковавшимъ. Однако при всемъ этомъ, среди такихъ условій, атака не могла идти успѣшно, и нѣкоторыя части прилегли за ложементы. И среди разгара этого огня ни на минуту не прекращалась самоотверженная работа санитаровъ, перевязывавшихъ, подбравшихъ, укладывавшихъ и уносившихъ раненыхъ! Перебѣжчики въ это время приближались къ большому редуту.

Этою атакою всѣ стороны въ одно время приблизились къ большому редуту. Отважный генералъ Лавровъ велъ финляндецъ на штурмъ. Самъ онъ, не сдѣлавъ еще 50 шаговъ, около 3 $\frac{1}{2}$ час. дня, палъ, сраженный тремя пулями. Кромѣ того тутъ ранены: полковникъ Кислинскій и капитанъ баронъ Функъ 1-й, контуженъ поручикъ Пчельниковъ и убитъ поручикъ Гагманъ. Генералъ Лавровъ лежалъ нѣкоторое время раненымъ и не былъ сразу отправленъ на перевязочный пунктъ. Нѣкоторые финляндцы достигли редута, но были всѣ перебиты. Одна шрапнелевая русская граната убила тутъ нѣсколько храбрецовъ-финляндецъ. Принявшій командованіе полкомъ, полковникъ Вейсъ, въ сумерки, приказалъ окопываться и ожидать новыхъ распоряженій, а раненый поручикъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка Львовъ съ горстью охотниковъ пробрался къ оставленнымъ прикрытіямъ (шалашамъ, палаткамъ, убитымъ лошадямъ) и, спрятавъ за ними своихъ охотниковъ, открылъ мѣткій огонь противъ непріятеля. При возвращеніи въ полкъ, Львовъ разсказалъ при

встрѣчѣ шт.-капитану лейбъ-гв. павловскаго полка Бершову о замѣченной имъ широкой горжѣ большаго редута. Бершовъ собралъ около 150 человекъ изъ ротъ своего полка и бросился по указанному Львовымъ направленію. Дойдя шаговъ 60 отъ горжи, Бершовъ спряталъ своихъ людей, приказавъ имъ окапываться, и открылъ мѣткій огонь, въ ожиданіи новой атаки. Но общая атака была приостановлена на время.

Съ наступленіемъ сумерекъ, штурмъ былъ возобновленъ. Начальникъ отряда самъ лично передалъ приказаніе о немъ генералу графу Шувалову. Предположено было, въ случаѣ неудачи новаго штурма, по приведеніи въ порядокъ войскъ, открыть усиленную бомбардировку на завтра; это приказаніе генерала Гурко было отдано и генераламъ Броку и Эллису I. Въ исходѣ 6 часа настала темнота. Большой редутъ раньше окаймлялся тучею бѣлаго дыма; теперь весь край бруствера и кавальера освѣщался линіею сверкающихъ огненныхъ точекъ. Такая же линія засверкала на нѣкоторомъ разстояніи вокругъ редута. Пушечные выстрѣлы обдавали ревомъ своимъ, какъ бы привѣтствуя скорое паденіе Горняго Дубняка.

Вдругъ внутри редута вспыхнуло пламя отъ зажженныхъ нашими гранатами турецкихъ шалашей и палатокъ. На фасѣ редута, противъ нашего лѣваго фланга, стала рѣдѣть стрѣльба непріятеля. Нѣсколько минутъ громкаго „ура!“ при общемъ воодушевленіи, и началась опять атака. Пожаръ редута былъ большой; лопались и трещали патроны и заряды, наконецъ началась страшная рукопашная свалка. Убитыхъ были тутъ груды. Штыковъ однихъ наломаны были десятки, приклады разлетались въ дребезги. Потомъ здѣсь оказались изогнутые ружейные стволы и обгорѣвшія тѣла многихъ раненыхъ, забытыхъ

турками подъ пылавшими кострами. Тутъ, среди тьмы, двое русскихъ другъ друга прокололи штыками. Большинство убитыхъ съ нашей стороны, у сѣверной оконечности западнаго фаса редута, въ самой горжѣ его и у южнаго его фаса, было изъ полковъ: лейбъ-гвардіи финляндскаго и лейбъ-гвардіи измайловскаго.

Кто первый взобрался на большой редутъ и кто первый подалъ сигналъ этой атаки? — неизвѣстно и до сихъ поръ; вѣроятно и исторія не раскроетъ этого факта въ точности. Говорятъ, что командиръ 2 баталіона лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Кршвицкій, приказалъ ударить атаку и, пройдя съ 3 ротами ровъ, спустился въ него, затѣмъ послѣ короткаго отдыха, по новому бою къ атакѣ, гвардейцы вскочили на брустверъ и обратились на редутъ. Турки при этомъ тѣснились къ сѣверо-восточному фасу редута, т. е. въ сторону Плевны, тогда какъ имъ легче было бы бѣжать въ противоположную сторону, то есть къ горжѣ редута, еслибы только эта горжа была свободна и не была занята русскими. Одновременно съ этими подошѣли и другія части, участвовавшія въ штурмѣ. Горсть храбрецовъ лейбъ-гвардіи павловскаго полка съ штабсъ-капитаномъ Бершовымъ тоже рано ворвалась изъ-за горжи въ редутъ. Рано пришли также полковникъ Аспелундъ 2-й, командиръ 2-го баталіона лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи павловскаго полка Иванченко, залегшій съ горстью храбрецовъ близко отъ обращеннаго къ Телишу редутнаго угла, разглядѣлъ тутъ какъ будто перешеекъ во рву (въ родѣ мостика), дошелъ подъ самый валъ, взобрался на покатость его и оттуда стрѣлялъ по туркамъ изъ револьвера. Его примѣру послѣдовали многіе при атакѣ и при взятіи большаго редута.

Ослабѣвалъ наконецъ непріятельскій огонь, эта адская сила, унесшая съ собой столько храбрецовъ изъ русской гвардіи.

Финляндцы бросались дружно впередъ и ворвались на горжу редута. Ближе всѣхъ къ горжѣ стояли финляндскіе охотники съ отважнымъ Киселемъ впереди.

Вотъ и 3-й баталіонъ измайловцевъ, бывшій въ 70 шагахъ отъ бруствера, двинулся впередъ; первымъ вскочилъ на него командиръ 10-той роты штабсъ-капитанъ Кушелевъ, но его убилъ на повалъ сидѣвшій за брустверомъ турецкій офицеръ (турку этого убили вслѣдъ затѣмъ измайловцы). Скоро подошли къ редуту: 4-й баталіонъ измайловцевъ, саперы и стрѣлки. Турки при этомъ слабо открывали огонь и заботились о людяхъ, старавшихся скрыться отъ подкапывавшагося подъ нихъ непріятели. Извѣстно, что отдѣльныя группы нашихъ войскъ, довольно давно уже во рву, по скату эскарпа, устраивали ступени для подъема на берму и на брустверъ. Во рву же находились люди всѣхъ атакующихъ частей. Рядовые-павловцы: Лизуновъ, Ершовъ и Демиденко первыми бросали изо рва въ глаза туркамъ землю и камни. Поднялась цѣлая туча пыли, многіе могли безнаказанно выбираться изо рва, отбирать патроны у убитыхъ на гласисѣ и вокругъ рва и пополнять такимъ образомъ запасъ зарядовъ. Унтеръ-офицеръ измайловецъ Морозовъ отличался при этомъ мѣткостью выстрѣловъ по туркамъ съ ихъ красными фесками, пока самому ему непріятельская пуля не разнесла черепъ. Унтеръ-офицеръ Ильченко, съ ранеными ногами, ухитрился взобраться однимъ изъ первыхъ на редутъ.

Турки наконецъ выкинули бѣлый флагъ на углу праваго фаса редута, обращеннаго къ Плевнѣ, пораженные исполнѣ неустомимою и геройскою на-

стойчивостью нашихъ войскъ. Съ того же фаса нѣкоторые изъ нихъ бросились бѣжать по шоссе, но наткнулись на 2 и 3 баталіоны л.-гв. московскаго полка и 4-й баталіонъ л.-гв. измайловскаго полка. Они въ темнотѣ дали два залпа по нашимъ и тутъ же бросили оружіе съ крикомъ „аманъ!“, прося пощады.

Какъ образецъ турецкаго звѣрства можно привести здѣсь и то, что на кавальерѣ, внутри большаго редута найденъ изувѣченный турками солдатъ л.-гв. московскаго полка.

При сдачѣ большаго редута Горняго Дубняка, выскочилъ изъ него турецкій парламентаръ. Командиръ 2-го баталіона л.-гв. московскаго полка потребовалъ отъ него безусловной сдачи и на нее послѣдовало полное согласіе. Между тѣмъ выкинутый бѣлый флагъ большинствомъ нашихъ войскъ не былъ замѣченъ. Сидѣвшіе въ это время въ шалапахъ и землянкахъ турки продолжали упорно отстрѣливаться, точно также, какъ и нѣкоторыя группы турокъ, не думавшія бросать оружія; внутри самого редута шла отчаянная штыковая работа. Наконецъ толпа турокъ съ адъютантомъ паши во главѣ пала на колѣни съ воплемъ „аманъ!“, прося пощады. Впрочемъ, многіе турки, хотя и падали на колѣни, но послѣ помилованія начинали тутъ же стрѣлять въ русскихъ.

Въ то время, когда всѣ наши атаковавшія части врѣзались въ большой редутъ, на него вскочилъ командовавшій л.-гвар. павловскимъ полкомъ полковникъ Шмитъ, имѣя при себѣ знаменщика 4-го баталіона, убитаго тутъ фельдфебеля Митрофанова, котораго смѣнилъ унтеръ-офицеръ Теремковъ. Въ это время на турецкомъ редутѣ развѣвалось русское знамя, древко и полотно котораго было прострѣлено.

Наконецъ рѣзня и кровопролитіе окончились. Турки сдались. Графъ Шуваловъ, прибывшій къ

редуту, благодарилъ и поздравлялъ побѣдителей. Долгое неумолкаемое „ура!“ ихъ пронеслось на мѣ-
стѣ еще неостывшей крови убитыхъ и раненыхъ!

Восторженная радость, сознаніе величія совершеннаго долга охватило участниковъ большаго дѣла подъ Горнимъ Дубнякомъ. Стали собираться части, рожки затрубили сборъ.

Ординарецъ, ротмистръ Скалонъ принесъ генералу Гурко первую вѣсть о взятіи большаго редута. Генераль, съ начальникомъ своего штаба генераломъ Нагловскимъ, былъ тогда на курганчикѣ. „Ура!“, громкое и восторженное, раздавалось въ войскахъ, когда къ нимъ подѣхалъ Гурко. Плѣнные, сложивъ оружіе, были выведены и стояли кучей. Ахмедъ-Хивзи-паша былъ подведенъ къ начальнику отряда. Скоро ударили неожиданную тревогу. Разнесся слухъ о выступленіи Османа изъ Плевны. Всѣ—къ ружью. Но слухъ этотъ, къ счастью, не оправдался...

Даже ночью наши укрѣплялись въ позиціяхъ Горняго Дубняка. Необходимость этого была тѣмъ серьезнѣе, что поговаривали о прибытіи къ туркамъ въ Телишѣ подкрѣпленій. О трофеяхъ, въ числѣ которыхъ было и одно большое полковое турецкое знамя, мы говоримъ въ другой главѣ.

Въ донесеніи генерала Гурко начальнику западнаго отряда генералу Тотлебену приводятся слѣдующія цифры выбывшихъ изъ строя въ дѣлѣ 12 октября 1877 г. подъ Горнимъ Дубнякомъ:

	убитыхъ раненыхъ	
Генераловъ	—	3
Штабъ и оберъ-офицеровъ	18	96
Нижнихъ чиновъ	790	2,384

Кромѣ того приводится безъ вѣсти пропавшихъ 21 нижній чинъ. Одновременно съ атакой Горняго Дубняка принимала участіе въ дѣлѣ и третья гвардейская пѣхотная дивизія. Лейбъ-гвард. волынской

полкъ съ баталіономъ московскаго полка, подъ командой генераль-маіора Бремзена, изъ с. Медованъ, на окончности лѣваго фланга позиціи западнаго отряда предъ Плевной, долженъ былъ поддерживать занятіе Софійскаго шоссе наступленіемъ на Трнину. По диспозиціи, этотъ отрядъ долженъ былъ атаковать Трнину, на правомъ берегу рѣки Вида, при впаденіи въ нее р. Чернявки. На дѣлѣ оказалось, что лежащее на пути изъ Медована къ Трнинѣ Иртожабенское ущелье не было занято турецкими войсками. Командиръ лейбъ-гвард. волынскаго полка, генераль-маіоръ Мирковичъ исполнилъ наступленіе такимъ образомъ, что оно было незамѣтно для непріятеля; при этомъ взяты были сел. Трнино и турецкіе ложементы съ очень малыми потерями, не смотря на открытый со стороны турокъ сильный огонь. Завоеванная гора названа была Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, прибывшимъ сюда 13 октября и благодарившимъ генераловъ Бремзена и Мирковича, „Волынскою горою“; около нея 21 октября занята была высота (на гребнѣ отрога, тянущагося отъ дер. Кришина на западъ до Картожабенскаго ущелья), на которой былъ воздвигнутъ редутъ.

Для усиленія отряда въ Горнемъ Дубнякѣ 13 октября, прибывали полки: л.-гвар. литовскій, кекегольмскій гренадерскій императора австрійскаго и с.-петербургскій гренадерскій императора Фридриха-Вильгельма Прусскаго, весь бегусскій уланскій полкъ, двѣ сотни казаковъ, кіевскій гусарскій полкъ и 1-я конная батарея. Затѣмъ уже 1-я бригада 3-й гвардейской дивизіи немедленно приступила къ укрѣпленію позиціи, на лѣвомъ берегу рѣки Вида.

По взятіи Горняго Дубняка Османъ съ его арміею былъ окруженъ такъ русскими войсками, что не имѣлъ извѣстей и связей съ другими частями турецкой арміи.

Впослѣдствіи большая часть гвардейскихъ войскъ начала дальнѣйшее свое побѣдоносное шествіе на Софію и подѣ Константинополь; ее смѣнили гренадерскія войска; изъ гвардіи участвовала въ обложеніи Плевны и арміи Османа-паши до конца плевенской развязки 3-ья гвард. дивизія *). Османъ пытался прорваться и съ своимъ войскамъ 28 ноября 1877 г. сдѣлалъ вылазку изъ Плевны. Плевна пала и раненый Османъ съ его сильною арміею были въ тотъ же день въ плѣну у русскихъ.

*) Время стоянки гв. отряда до паденія Плевны было днями томительнаго ожиданія развязки плевенской исторіи. 1-й и 2-й бат. л.-гв. литов. полка занимали дер. Триниѣ, впереди которой построили укрѣпленія на случай движенія Османа со стороны Сахарной Головки и дер. Блазевачъ. 4-й бат. л.-гв. лит. полка занималъ ближайшія къ туркамъ траншеи на Волынской горѣ, чередуясь съ волынцами; 3-й баталіонъ, пробывъ 10 дней на аванпостахъ между редутами Скобелева и Мирковича предѣ Крышинскими турецк. укрѣпленіями, занялъ траншеи на Волын. горѣ. Этому баталіону выпала тяжелая аванпостная служба. Онъ былъ растянутъ на 4 вер., имѣя впереди нѣх. цѣпь турокъ, перемѣшанную съ черкесами, на мѣстности овражистой и съ кукурузными полями. Части, не бывшія на аванпостахъ, располагались въ землянкахъ. Въ войскахъ тогда была ежедневно вечерняя зоря съ церемоніею; звуки музыки доносились со всѣхъ сторонъ до турокъ, при чемъ тѣ посылали въ наши войска гранаты.

8 ноября 1877 года л.-гв. литовскій полкъ праздновалъ вмѣстѣ полковой праздникъ у Волынской горы; 2-й баталіонъ одинъ оставался въ Триниѣ. Отъ Государя Императора съ поздравленіемъ въ полкъ былъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. Для многихъ этотъ праздникъ былъ послѣдній, въ томъ числѣ и для нач. див. ген.-л. Каталей и ген.-м. Философова, убитыхъ въ бою при д. Петричево. Со всѣхъ батарей 3-й гв. и гр. арт. бригады было сдѣлано нѣсколько залповъ по турецкимъ позиціямъ. На другой день турки узнали о подковомъ праздникѣ отъ случайно заѣхавшихъ въ крышинскій турецкій редутъ офицеровъ: Рябинкина и Куткина.

V.

Главный эвакуаціонный пунктъ за р. Видомъ. — Доставка раненныхъ. — Въ палаткахъ, на соломѣ и на голой землѣ. — Умирающіе. — Перевозочныя средства и болгарскія каруцы. — Взятіе въ плѣнъ Измаила-Хаки-паши съ его арміею. — Раненные изъ-подъ Телиша въ „Красномъ Крестѣ“. — Дивизионныя гвардейскіе лазареты въ дѣлѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ. — Кухня и продовольствіе раненныхъ. — Извѣстія и разсказы участниковъ дѣла.

У рѣки Вида, на обширной полянѣ, мѣстами прерываемой холмиками да ущельями, замѣтно большое движеніе. Говоръ, шумъ и лихорадочная хлопотливость, наканунѣ взятія Горняго Дубняка, показывали ясно, что и тутъ что-то готовится. Соломенные палатки приготовлены были для помѣщенія въ нихъ раненныхъ гвардейцевъ. Болѣе оживленный видъ приняла эта мѣстность съ вечера въ день взятія Горняго Дубняка. Подводы, нагруженные по 4 и болѣе тяжело раненныхъ, то и дѣло передвигались сюда и опять шли за ранеными на поля сраженія. Большая часть подводъ состояла изъ болгарскихъ каруцъ, крайне неудобныхъ для перевозки раненныхъ. Въ нихъ мало подостлано сѣна, или соломы, — да и къ тому же онѣ очень тряски. Извѣстно многимъ, а особенно бывшимъ участникамъ минувшей русско-турецкой войны, что такія же неудобныя каруцы часто примѣнялись въ нашей арміи во время войны для перевозки раненныхъ по неудобнымъ дорогамъ Бол-

гаріи. Случалось, что многіе изъ тяжело раненыхъ погибали на пути, только благодаря этимъ каруцамъ и другимъ неудовлетворительнымъ условіямъ перевозки. Но что было дѣлать въ такихъ случаяхъ? гдѣ найти всѣ удобства среди всякихъ трудностей и неожиданностей, среди этого хаоса войны!....

Массы раненыхъ пробирались чрезъ рѣку Видь на главный эвакуаціонный пунктъ. Переходъ черезъ Видь совершался въ бродѣ. Всѣ они были изъ-подъ Горняго Дубняка. Раненыхъ 12 октября подъ Телишемъ со всѣмъ у насъ не было. Съ егерями вышла неудача. Они принуждены были отступить, оставивъ на поляхъ своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей. Тамъ, этихъ несчастныхъ, турки, баши-бузуки и разъяренные черкесы добивали и обезображивали.

Остановимся на подробностяхъ дѣла подъ первымъ Телишемъ. — Первый Телишъ, во время атаки противъ него, пользовался кромѣ егерей содѣйствіемъ л.-гв. гусарскаго Его Величества и л.-гв. драгунскаго полковъ. Цѣль этой атаки — не допускать изъ Телиша какихъ либо подкрѣпленій въ Горній Дубнякъ, хотя въ диспозиціи было предписано отряду флиг.-ад. полковника Челищева — „атаковать Телишъ“.... Мѣстность вокругъ Телиша состоитъ изъ очень отлогихъ холмовъ, поросшихъ кукурузою, за которою идетъ густой кустарникъ. Даже за верету нельзя было отсюда разглядѣть не только турецкихъ ложементовъ, но и турецкихъ укрѣпленій; южнѣ ихъ, по направленію къ Горнему Дубняку, идутъ лѣса. Укрѣпленія состояли изъ двухъ группъ; онѣ отдѣлены были между собою оврагомъ. Первая группа укрѣпленій, представлявшихъ укрѣпленный лагерь, стояла на $\frac{3}{4}$ вер. отъ деревушки Телишъ; 2-я группа была у самой деревушки. Спереди — турецкіе ложементы... Колонны войскъ ожидали часа для атаки, чтобъ сомкнуться. Атака была геройская и вполне от-

важная, но турки давали сильный отпоръ, посылая градъ пуль. Въ числѣ раненыхъ тутъ были: поручикъ Крейтеръ, капитанъ Базилевскій, поручикъ Шильдбахъ, капитанъ Базилевскій 3-й, капитанъ Коробка, подпоручикъ Смиттомъ (смертельно) и другіе, а убиты: полковникъ Мебесъ, подпоручикъ Перепелицынъ и другіе. Наши заняли турецкій ложементъ, при чемъ первыми ворвались сюда капитаны Ольдерогге и Подвальнюкъ.

Отступленіе отъ перваго Телиша началось послѣ выдержаннаго четырехчасоваго боя. При этомъ, съ лѣваго фланга начали было преслѣдовать егерей черкесы и баши-бузуки, но ихъ отразили лейбъ-гусары. Затѣмъ, отрядъ хотѣлъ было начать дѣйствіе, но всякія атаки были невозможны, когда получилось извѣстіе о наступленіи при дорогѣ изъ Радомірца въ Софію еще 12-ти баталіоновъ съ артиллеріею. Одни егеря потеряли подъ первымъ Телишемъ: 26 штабъ и оберъ-офицеровъ и 906 нижнихъ чиновъ изъ 2,400 человекъ, бывшихъ въ строю. Какъ извѣстно, Телишъ сдался намъ 16 октября безъ всякой атаки; обошлось дѣло только благодаря одному артиллерійскому огню. 66 артиллерійскихъ орудій громили его въ теченіи 3-хъ часовъ 16-го октября 1877 г. При паденіи и сдачѣ Телиша взятъ въ плѣнъ Измаиль-Хаки паша съ семью баталіонами, при этомъ забрано 4 орудія и масса патроновъ. При взятіи Телиша, какъ тогда говорили на главномъ эвакуаціонномъ пунктѣ, когда я ѣздилъ на наши позиціи къ Софійскому шоссе, генералъ Гурко отпустилъ нѣсколько плѣнныхъ турокъ въ телишскій редутъ. Для переговоровъ къ генералу Гурко явился турецкій офицеръ (парламентеръ). Генералъ требовалъ сдачи. Нашъ артиллерійскій огонь, причинившій уже въ то время большой вредъ телишскимъ укрѣпленіямъ, былъ прекращенъ. Генералъ съ своими войсками, въ числѣ которыхъ была 1-я бригада 3-й гв. п. диви-

зіи, былъ неподалеку. Много редифовъ и низама выползло изъ своихъ траншей и ложементовъ, но потомъ они скоро попрятались. Вслѣдъ затѣмъ выкинуть былъ бѣлый флангъ и Телишъ сдался. Шевкетъ-паша, какъ говорили, въ то время съ громаднымъ турецкимъ отрядомъ ушелъ въ Орханіе; только и видно было за нимъ большое облако пыли. У насъ было, на другой день взятія Телиша, нѣсколько раненыхъ въ этомъ дѣлѣ. Большинство изъ нихъ умерло скоро: это были—тяжело раненые.

Не лишнимъ считаю остановиться на второмъ Телишѣ, имѣвшемъ громадную связь съ дѣломъ 12-го октября подъ Горнимъ Дубнякомъ.

При взятіи Телиша, была въ дѣлѣ часть 3-й гвардейской дивизіи. Вся мѣстность кругомъ Телиша, 16 октября, на разстояніи пѣшечнаго выстрѣла, была занята шестью батареями лейбъ-гвардіи 1-ой и 3-ей гренадерской артиллерійской бригады и двумя батареями гвардейской конной артиллеріи подъ прикрытіемъ четырехъ полковъ 2-й и 3-й гв. пѣхотныхъ дивизій; въ числѣ полковъ былъ лейбъ-гв. литовскій. Выставленные на болѣе открытыхъ мѣстахъ батареи были наскоро обнесены окопами. Канонада Телиша, изъ 66 орудій, началась въ 11 час. утра. Вредъ, нанесенный для турокъ и ихъ укрѣпленій тутъ нашею артиллеріею былъ большой. Уже и уже въ 2½ часа дня, при потерѣ съ нашей стороны убитыми и ранеными въ 30 чел., телишскій комендантъ Хаки-паша сложилъ оружіе. 100 офицеровъ, 3,000 плѣнныхъ, знамена, 4 орудія и масса патроновъ были трофеями этого блестящаго дѣла для русской артиллеріи. При бѣгствѣ изъ Телиша нѣсколькихъ сотъ башибузуковъ, многіе изъ нихъ были изрублены л.-гв. уланскимъ полкомъ. Интересно то, что турки тутъ съ начала предлагали сдаться на капитуляцію, но генераль Гурко

требовалъ безусловной сдачи на великодушіе побѣдителей. При этомъ надо помнить, что и телишскій гарнизонъ, и вся турецкая армія понесли громадныя потери взятіемъ Горняго Дубняка и уже упали духомъ. При взятіи Телиша, наша клялся, что онъ не былъ въ состояніи препятствовать злодѣйствамъ турокъ, обезобразившихъ и издѣвавшихся надъ нашими убитыми и ранеными при атакѣ Телиша 12 октября.

Громадная площадь по сю сторону рѣки Вида не могла пріютить въ приготовленныхъ палаткахъ всѣхъ раненыхъ. Много офицеровъ, не говоря уже о солдатахъ, помѣстились на голой землѣ, гдѣ для нихъ подостлана была солома, клочкомъ которой всякій дорожилъ.... Между тѣмъ массы раненыхъ прибывали. Большіе стоги сѣна и соломы были уже разобраны; мѣстами пылали костры и солома, около которыхъ грѣлись раненые, усѣвшись кучками. Всю ночь шло размѣщеніе прибывающихъ раненыхъ: кто помѣщался въ палаткѣ, кто на сѣнѣ, кто на соломѣ, а кто прямо— на голой землѣ. Большинство было подъ открытымъ небомъ. Стоны страдальцевъ и умирающихъ наполняли холодный воздухъ всю ночь. На слѣдующее утро агоническій бредъ умирающихъ, изъ которыхъ иные съ вечера не были покрыты даже шинелью, а иные были безъ сюртуковъ, смѣнился печальной картиной замерзшихъ, обледенѣлыхъ труповъ. 13-го октября по утру, когда занялась ранняя заря и привѣтливо выглянуло солнышко, трупы эти собирались какъ попадавшія массы мухъ.

Съ вечера 12-го октября 1877 г., наши летучіе отряды „Краснаго Креста“ открыли работу около Вида, на главномъ эвакуаціонномъ пунктѣ, который также называли иные перевязочнымъ. Въ самомъ центрѣ раскинуты были наши палатки: одна большая и 2 маленькія

полотняныя. Въ большой палаткѣ, (въ дер. Митхадъ-паша, въ Порадимѣ, въ Боготѣ) ранѣ служившей для этапнаго лазарета Е. И. В. Государыни Цесаревны, нынѣшней Государыни Императрицы, когда мы работали, помѣщено было 12-го октября около 60 раненыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ одной изъ маленькихъ палатокъ лежало двое раненыхъ генераловъ (изъ которыхъ одинъ — ген.-маіоръ Лавровъ, командиръ л.-гв. финляндскаго полка), а въ другой — полковникъ Эбелингъ. Вблизи этихъ палатокъ, на кухнѣ, приготовленной на скорую руку солдатами, готовилось кушанье для раненыхъ. Солдатамъ выдавали водку. Офицерамъ предложены были консервы: сливочные, шоколадные и др. Санитары нашихъ отрядовъ обносили раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ чаемъ и бараньимъ супомъ. Тѣ изъ раненыхъ, которые могли приходить на кухню, получали сами кушанье. Раненыхъ во все время перевязывали безостановочно, и скажу откровенно, тутъ не успѣвали дѣлать въ первый день всѣмъ перевязки. Всю первую ночь я оставался на этомъ пунктѣ съ санитаромъ Чеховымъ и намъ обоимъ въ эту ночь не удалось даже сомкнуть глазъ.

Всѣ мы работали безостановочно, но ухаживающихъ было очень мало для такой массы раненыхъ, хотя тутъ работали усердно и военные, гвардейскіе врачи. Въ самой посудѣ былъ большой недостатокъ. Солдатскія манерки, котелки — были дорогою посудой для каждого. Интендантство доставило сюда во-время большіе запасы хлѣба, турецкихъ галетъ и сухарей. Дивизионные гвардейскіе лазареты 12-го октября еще не развѣтывали своихъ палатокъ, хотя всѣ врачи ихъ работали все время энергично. На слѣдующій кажется день, былъ устроенъ лазаретъ 2-ой гвардейской дивизіи, затѣмъ лазаретъ 1-й гвардейской дивизіи и послѣ того уже при дорогѣ лазаретъ 3-й

гвардейской дивизіи. Все паличныя подводы работали неустанно; лошади ихъ, утомленныя непрерывной перевозкой, съ трудомъ передвигали ноги.

Извѣстія и рассказы о самомъ дѣлѣ, при такомъ разнообразіи впечатлѣній, картинъ и ощущеній за одинъ день горно-дубняккаго дѣла, какъ-то смутно и неясно передавались участниками и ранеными: все были точно въ какомъ-то чаду.... Начальныя вѣсти объ умирающихъ приходили отовсюду. Да, трудны были дни этой работы, среди перевязокъ и ухаживаній за такой массой!... Каждая часть тѣла изнемогала: дотрогиваться до нея и шевелиться — становилось больно.... Изнеможенные и усталые мы переходили отъ одного раненаго къ другому; спина болѣла, потъ катился градомъ; но видъ еще неоконченной работы, видъ массъ, еще не перевязанныхъ, стонавшихъ и требовавшихъ ухода и помощи, не останавливалъ нашего труда!... При этомъ сыпались отовсюду благодарности: сквозь слезы иной раненый солдатъ произносилъ русское „спасибо“. Помню, какъ 14 октября я перевязывалъ двухъ вольноопредѣляющихся л.-гв. московскаго полка (одного изъ нихъ — Бартмера я потомъ видѣлъ въ Петербургѣ), которые оставались безъ всякой помощи на площади и къ которымъ я подошелъ по указанію сестры Полозовой. Какими благодарностями они осыпали меня, когда я помѣстилъ ихъ въ большую палатку, гдѣ лежали раненые офицеры! Какъ они были рады крову здѣсь! Поцѣлуй Б., когда я вводилъ его въ палатку, останется навсегда въ моей памяти!....

VI.

Организація военно-санитарной части подъ Горнимъ Дубнякомъ. — Перевязочные пункты. — Врачи варшавскаго гвардейскаго отряда. — Летучіе отряды. — Санитары. — Гвардейскій вагенбургъ.

Въ виду громаднаго интереса, который должна возбуждать организація военно-санитарной части у самаго мѣста военныхъ дѣйствій, я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Изъ Богота телеграммой въ Іени-Баркачъ была вытребована рота санитарныхъ носильщиковъ въ 200 человекъ (ихъ въ мирное время готовятъ при каждой войсковой части), которые съ вышеописаннаго передоваго перевязочнаго пункта „Краснаго Креста“ 12 октября 1877 г. выступили на поле сраженія для подачи помощи, уборки раненыхъ, погребенія убитыхъ и т. д. Тяжело раненыхъ они доставляли или на полковые перевязочные пункты, или на нашъ передовой перевязочный пунктъ; другихъ собирали гдѣ нибудь на полянкѣ кучками. Всѣ носильщики имѣли на лѣвомъ рукавѣ повязку нейтральности—бѣлую съ краснымъ крестомъ, принадлежа по женевскому международному трактату къ нейтральнымъ лицамъ, которыя для непріятельской стороны, какъ и раненые, не считаются врагами. У каждаго санитаря была сумка, въ которой находились четырехугольные и трехугольные платки бинты, тампоны съ салициловой и

карболовой кислотой, мягкая марля, кровеостанавливающая ткань и жидкость (*Liquor ferri sesquichloreti*), жидкій амміакъ, уксусъ, гофманскія капли, липкій пластырь, простыя хирургическія булавки и бутылка съ водою. Кромѣ того, при нихъ были: костыли, турникеты, лубки и пр. Все это конечно находило примѣненіе при подачѣ первой помощи раненымъ. Часть санитаровъ выступила на поля сраженія съ носилками. Иные раненые сами оказывали другъ другу помощь. Ознакомленіе съ первою помощью раненымъ на войнѣ, по нашему мнѣнію, должно быть обязательно для каждаго офицера и солдата.

Перевязочные пункты, по соглашенію генерала Гурко съ главнымъ врачомъ штаба гвардейскаго корпуса, докторомъ Энкгофомъ, были устроены такъ:

1) Позади каждаго полка, выступавшаго въ боевую линію, устроенъ былъ, внѣ сферы непріятельскихъ выстрѣловъ, перевязочный пунктъ, на которомъ находилось по 2 полковыхъ врача и половина (8) ротныхъ фельдшеровъ. Остальные полковые доктора и медицинскій персоналъ должны были находиться при дивизіонныхъ лазаретахъ. При каждомъ такомъ перевязочномъ пунктѣ находились и носильщики, взятые изъ дивизіонныхъ лазаретовъ.

2) Съ лейбъ-гвардіи егерскимъ полкомъ двинутъ былъ также санитарный отрядъ подъ прикрытіемъ 10 казаковъ. Этотъ перевязочный пунктъ былъ открытъ старшимъ докторомъ полка очень близко отъ мѣста дѣйствія.

3) Медики кавалерійскихъ полковъ слѣдовали при своихъ полкахъ для оказанія первоначальной помощи раненымъ.

4) Медики пѣшей артиллеріи были при своихъ частяхъ.

5) При стрѣлковой бригадѣ находился одинъ

перевязочный пунктъ, а другой—на разстояніи одной версты отъ перваго подъ прикрытіемъ 10 казакъ.

6) На разстояніи 3-хъ верстъ отъ деревни Горній Дубнякъ былъ устроенъ передовой перевязочный пунктъ летучихъ отрядовъ „Краснаго Креста“. На немъ было 3 врача „Краснаго Креста“, потомъ 4 военныхъ врача, 8 студентовъ мед.-хирург. академіи и с.-петербургскаго университета, 1 фельдшеръ и 4 санитаръ. Сюда прибывали въ первый день и сосредоточивались раненые какъ съ полей сраженія, такъ и съ полковыхъ перевязочныхъ пунктовъ; къ вечеру этотъ пунктъ былъ за рѣкою Видъ, гдѣ и сосредоточена была вся масса раненыхъ, при открывавшейся дѣятельности гвардейскихъ дивизіонныхъ лазаретовъ.

Изъ числа врачей варшавскаго гвардейскаго отряда работали въ описываемые дни: С. М. Рокитанскій (при лейбъ-гвардіи волынскомъ полку), впоследствии занявшій постъ главнаго врача лазарета 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейскаго варшавскаго отряда вмѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. К. Мелешко, который, совершивъ походъ, уѣхалъ больной въ Варшаву, гдѣ и умеръ; М. Г. Штейнбергъ (при лазаретѣ 3-й гвардейской дивизіи), Г. А. Шрейберъ, Ц. Ф. Коссовскій, Ерчиковскій, Фридеричи, Лебедевъ, Внаровскій, С. А. Швабовъ, А. І. Паевскій (въ лазаретѣ 3-й гвар. див.), В. М. Величко, А. И. Будкевичъ, Тозио (имѣлъ тифъ, при развитіи эпидеміи въ Калликратѣ), Идельсонъ, Тышечкій (при дивизіонномъ лазаретѣ; получилъ сыпной тифъ, во время развитія тифозной эпидеміи, отъ котораго въ Силивріи, на берегу Мраморнаго моря, въ 50 верстахъ отъ Санъ-Стефано и умеръ), Заіончковскій (который тоже заразился при

развѣтія сыпнаго тифа въ войскахъ, отъ котораго въ Калликратѣ, на берегу Мраморнаго моря, послѣ осложненія его болѣзни пневмоніею и умеръ), Гольдгаммеръ (умеръ въ этой же компаніи отъ сыпнаго тифа въ Родосто), И. Л. Ковалевскій и Гедеминскій, участвовавшій въ дѣлѣ 12 октября 1877 г. при лейбъ-гвардіи волынскомъ полку, во время занятія Волынской горы. При лазаретѣ 3 гв. див. находился фармацевтъ П. К. Нейманъ. Среди врачей 1-й и 2-й гвард. пѣхот. дивизій мы видѣли К. Ф. Фовелина и др.

Всѣ работали безостановочно; но въ самомъ началѣ чувствовался въ отрядахъ „Краснаго Креста“ значительный недостатокъ въ рукахъ помощи. Не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ подробностей этого факта. Въ летучихъ отрядахъ „Краснаго Креста“ и этапномъ лазаретѣ, находившихся подъ управленіемъ А. С. Петлина, было болѣе 30 человекъ санитаровъ; большинство изъ нихъ было подготовлено къ помощи раненымъ въ перевязкахъ и уходѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были сыновья чиновниковъ. Всѣ они прослушали курсъ ухода за ранеными и подачи помощи раненымъ, въ петербургской военно-фельдшерской школѣ. Я ѣхалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ вмѣстѣ въ Болгарію, нѣсколько ознакомился съ ихъ развитіемъ и стремленіями. Право, большинство изъ нихъ шло съ твердымъ намѣреніемъ — помогать дѣлу; они готовы были пожертвовать собой, чтобы спасти тѣхъ, кто могъ погибнуть отъ несвоевременной подачи помощи на войнѣ.

— А если васъ убьютъ? спросилъ я одного изъ, нихъ по пути въ Болгарію, на румынской желѣзной дорогѣ, когда мы только что выѣхали изъ Бухареста.

— Я умру спокойно, если только буду увѣренъ, что моя жертва будетъ окуплена спасеніемъ не одного погибающаго!... былъ отвѣтъ.

Вотъ эту-то молодежь, находившуюся въ нашихъ отрядахъ, въ самомъ началѣ, по прибытіи въ Систово, поставили какъ-то странно. Они работали на кухнѣ, въ прачешной, чистили дворы, проводили какъ то дорожку въ Митхадъ-нашъ и т. д. Мы не разъ видѣли факты ненадлежащаго отношенія къ нимъ служащихъ въ отрядахъ. Изъ нихъ только четверо было на перевязочномъ пунктѣ и они работали день и ночь съ неутомимымъ усердіемъ. Труды ихъ были очень полезны для дѣла. Остальные были оставлены въ Боготѣ, въ ожиданіи раненыхъ, въ этапномъ лазаретѣ. Еслибы большую часть этихъ санитаровъ отправили вмѣстѣ съ нашими летучими отрядами въ дѣло подъ Горнимъ Дубнякомъ, то они принесли бы громадную пользу массѣ раненыхъ. По мѣрѣ переправы раненыхъ нѣ Боготѣ, эти же самые санитары могли бы сопровождать ихъ до этапнаго лазарета, или до военныхъ госпиталей и лазаретовъ, расположенныхъ въ Боготѣ, чрезъ который и шла ихъ переправа.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о гвардейскомъ вагенбургѣ. Какъ мы замѣтили въ началѣ разсказа, весь обозъ гвардіи не былъ взятъ съ войскомъ, вступавшимъ въ дѣло 12-го октября. Такъ распорядился генералъ Гурко. Всѣ повозки съ провизіею и принасами, вещи, офицерскій обозъ, а также и патронные ящики, были отправлены на развѣтвленіе дорогъ Раліево - Беглишской и Раліево-Іени-Баркачской. Тамъ они выстроились въ одинъ общій вагенбургъ. Для прикрытія его было отправлено по одному взводу отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ и стрѣлковой бригады и одинъ взводъ отъ казачьей сотни, состоявшей при гвардейской стрѣлковой бригадѣ. Общее начальство надъ этимъ вагенбургомъ было возложено на коменданта гвардіи, полковника Шевича. Ему подчинены были и отдѣ-

лы, назначенные для конвоирования обоза. При обозѣ отъ каждой части былъ особый офицеръ. Всѣ эти офицеры отдѣльныхъ частей обязательно явились къ полковнику Шевичу и получили отъ него приказанія о размѣщеніи обоза и своей части. Полковникъ осматривалъ мѣсто, гдѣ былъ расположенъ общій вагенбургъ и принималъ всѣ мѣры къ соблюденію полного порядка.

VII.

Перевязки и операціи. — Генераль Лавровъ и полковникъ Эбелингъ. — Полковникъ Стросъ. — Разсказъ лейбъ-гренадера. — Барабанщикъ невидящій. — Казакъ изъ эскадрона при генераль Гурко.

Вскорѣ на главный эвакуаціонный пунктъ прибыла коммисія, занявшаяся перевозкой и отправкой раненыхъ. Тутъ были: полевой военно-медицинскій инспекторъ, докторъ Приселковъ, хирургъ (изъ с.-петербургской Маріинской больницы) д-ръ Каде и другіе. Дѣло закипѣло, начались операціи. Докторъ Бергманъ, профессоръ хирургической патологіи и терапіи въ дерптскомъ университетѣ, устроилъ при одномъ изъ дивизіонныхъ лазаретовъ отдѣленіе, гдѣ безостановочно накладывались гипсовыя повязки. Я среди простыхъ перевязокъ, при помощи сестры милосердія, дѣлалъ гипсовыя повязки прямо на мѣстѣ, гдѣ лежали раненые, неподалеку отъ нашихъ палатокъ. Между прочимъ мнѣ пришлось перевязывать въ палаткахъ „Краснаго Креста“, доставленныхъ на другой день боя: командира лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, генерала Лаврова (имѣвшаго 3 пулевыя раны на груди, животѣ и рукѣ) и командира стрѣлковаго Его Императорскаго Величества баталіона, полковника Эбелинга, произведеннаго предъ смертью въ генераль-маіоры. Насколько первый былъ нетерпѣливъ, раздражителенъ и издавалъ стоны при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему

(онъ имѣлъ три раны; объ одной узналъ я впервые при перевязкѣ, на которой присутствовалъ полевой военно-медицинскій инспекторъ Присемковъ) и особенно при поворотахъ его во время перевязки—настолько послѣдній мужественно выносилъ всѣ тяжелыя страданія, даже операцію (у него было раздроблено лѣвое бедро съ пораненіемъ бедренной артеріи, послѣдствіемъ чего была гангрена ноги, образовавшаяся черезъ три дня послѣ полученной имъ раны въ дѣлѣ 12 октября подъ Горнимъ Дубнякомъ). Ампутація ноги Эбелинга была сдѣлана 15 октября профессоромъ Бергманомъ. Въ день операціи я, отправляясь въ Боготъ съ транспортомъ раненыхъ офицеровъ, былъ въ главной квартирѣ Великаго Князя Главнокомандующаго, гдѣ передалъ генералу Галлу записку о полковникѣ Эбелингѣ, по просьбѣ нѣкоторыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Предъ смертію генераль Галль навѣстилъ полковника Эбелинга въ палаткѣ „Краснаго Креста“, а 16 октября, рано по утру раненый Эбелингъ скончался. Тѣло его было положено въ особую соломенную палатку. Мы присутствовали на двухъ панихидахъ по немъ, на которыхъ было много военныхъ, а также извѣстный художникъ Верещагинъ и корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“—князь Шаховскій, которые были въ нашихъ отрядахъ и обходили съ нами эвакуаціонный пунктъ. 18-го октября, съ особою церемонією тѣло его отправлено было въ Петербургъ. Генераль Лавровъ тоже скончался на главномъ эвакуаціонномъ пунктѣ, 14 октября 1877 года.

Въ числѣ раненыхъ 12 октября подъ Горнимъ Дубнякомъ находился и полковникъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка Строевъ. Во время атаки Горняго Дубняка непріятельская пуля попала ему въ часы и, разрушивъ ихъ механизмъ, засѣла въ металлической часовой доскѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ нею врѣзалась въ верхнюю часть живота, произве-

дя вдавленіе покрововъ и мягкихъ частей праваго подреберья. Отъ сильнаго удара, какъ мнѣ передавалъ его родной братъ Вл. Ил., изъ отековъ крови и воспаленныхъ, окружающихъ рану частей, образовался желвакъ въ формѣ правильной, пятилучевой звѣзды. Полковникъ Строевъ (нынѣ флигель-адъютантъ) — одинъ изъ храбрыхъ, боевыхъ офицеровъ полка, несмотря на свою рану, участвовалъ потомъ во многихъ другихъ битвахъ и совершилъ забалканскій походъ съ полкомъ.

Раненыхъ подъ Горнимъ Дубнякомъ я впоследствии встрѣтилъ на пути моего возвращенія въ Россію съ театра военныхъ дѣйствій, и затѣмъ въ Петербургѣ. Въ клиникахъ медико-хирургической академіи я тоже видѣлъ ихъ и слышалъ ихъ рассказы.

Въ 1878 году въ Петербургъ прибыла одна партія раненыхъ на санитарномъ поѣздѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Въ числѣ раненыхъ тутъ были и изъ подъ Горняго Дубняка. Одинъ лейбъ-гренадеръ рассказывалъ намъ про свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ раненъ у редута въ шагахъ 25.

— Тяжела была рана моя, началъ онъ свой рассказъ: нога была переломана. Теперь, слава Богу, срослась! Долго пролежалъ я только и помучился; и слѣда отъ перелома не осталось! Вотъ у того сосѣда—измайловца, который лежитъ на сосѣдней койкѣ со мной, нога короче стала, а у меня, слава Богу—ничего! Говоря про атаку, онъ такъ обрисовалъ ее:

— Шли мы, лейбъ-гренадеры, впередъ. Ничего... Пули, кажется, нисколько не были страшны: такъ и жужжать вокругъ насъ, какъ мухи какія. Только и видишь, какъ у одного погоня отлетитъ, у другаго ваты изъ шапки, или изъ пальто клочекъ вырветъ. Иной повалится, закричитъ.... Ну, такъ и знай, что раненъ! А мы все шли вне-

редь. Только немножко не успѣли дойти до реду-та-то, я и повалился. Дѣло не до раны! Поползъ куда и самъ не помню; яму увидѣлъ, узкая такая. Я въ нее.... посмотрю назадъ, и нога тащится за мной! А я думалъ, что ужъ и нѣтъ ея.... тутъ только почувствовалъ боль!... Санитаръ явился къ намъ, перевязалъ рану косынкой да баншыкомъ. Такъ тутъ пролежали, пока не увезли насъ въ дивизионный лазаретъ. Тамъ уже и гипсовую повязку наложили.

Среди раненыхъ въ дѣлѣ 12-го октября, былъ въ академической клиникѣ одинъ вольноопредѣляющійся лейбъ - гвардіи гренадерскаго полка, потерявшій зрѣніе; онъ находился въ рядахъ барабанщиковъ. Раненый въ голову, онъ двое сутокъ пролежалъ на соломѣ безъ памяти. Онъ шелъ съ другими за ротой, изъ сорока человекъ, при знамени. Съ обѣихъ сторонъ завязалась перестрѣлка, когда они зашли въ лѣсъ. Только и видны были дымъ и движущіяся впередъ наши войска. Стоны или кругомъ, падали раненые, музыканты разсыпались и барабанщикъ этотъ былъ раненъ.

Вотъ еще разсказъ казака, записанный мною при встрѣчѣ съ нимъ въ академической клиникѣ.

— Первый разъ я былъ подѣ Горнимъ Дубнякомъ въ дѣлѣ. При генералѣ Гурко стоялъ нашъ эскадронъ въ виду редута и деревни Горній Дубнякъ. Все дѣйствіе видно было намъ какъ на ладони: и движеніе колоннъ, и какъ наши турокъ изъ траншей выгоняли, били, и какъ нѣкоторые изъ нихъ удирали въ редутъ. Во время драки наши отнимали у турокъ около редута — лошадей. И счастливо сходило!... Мы стояли тогда на горюшкѣ. Лѣсокъ насъ закрывалъ: изъ дубовыхъ кустарниковъ состоялъ онъ. Генералъ Гурко не приказалъ намъ стрѣлять: велѣно было выжидать турокъ на случай, если они выйдутъ къ Телишу, такъ тогда

лупить въ нихъ.... Ну, вотъ, вѣрно, турки замѣтили насъ и направили орудія прямо въ насъ. Грохотъ отъ нихъ тотчасъ раздался: окутались они дымомъ, точно облакомъ. Гранаты, такъ и полетѣли въ середину насъ. Сорокъ человѣкъ сразу выбыло изъ нашего эскадрона, двое раненыхъ отправилось на перевязочный пунктъ. Пятнадцать лошадей такъ тутъ и пало.

VIII.

Посѣщеніе перевязочнаго пункта Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ.—Князь Черкасскій.—Хирургъ Н. И. Пироговъ въ госпиталяхъ Богота.—Эвакуація.—Турецкія позиціи.—Отношенія болгаръ.—Большой и малый редуты.—Дер. Горній Дубнякъ.—При Софійскомъ шоссе.—Бѣгство болгаръ изъ Плевны.—Попытки къ вылазкѣ Османа-паши.

13-го октября 1877 г. главный эвакуаціонный пунктъ изволилъ посѣтить Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, Главнокомандующій русской арміей, удостоивъ милостивымъ вниманіемъ и словомъ раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Въ этотъ именно день прибыла коммисія, занимавшаяся отправкой раненыхъ, инспекторъ госпиталей, князь Черкасскій, полевой военно-медицинскій инспекторъ д-ръ Приселковъ и хирургъ Н. И. Пироговъ, работавшій въ тѣ дни въ госпиталяхъ Богота. Доставлено было нѣсколько сотъ подводъ, и раненыхъ начали отправлять чрезъ Іени-Баркачь, Боготь, Ралиево, Булгарени, Горній Студень, Систово, рѣку Дунай, Зимницу, Атернаци, Путиней и Фратешти на подводахъ, а оттуда на санитарныхъ поѣздахъ чрезъ Бухарестъ, Яссы, чрезъ рѣку Прутъ и Унгены въ Россію. До Систова ихъ отправляли партіями, при которыхъ находились: врачъ или студентъ, офицеръ, казаки, солдаты, а также и санитарная прислуга. Во время остановокъ раненыхъ

кормили въ госпиталяхъ, или въ болгарскихъ деревняхъ. Въ Систовѣ, на самомъ берегу Дуная, для этого былъ устроенъ особый „питательный пунктъ“ „Краснаго Креста“. Съ главнаго эвакуаціоннаго пункта я сопровождалъ два транспорта раненыхъ гвардейскихъ офицеровъ и, сдавъ ихъ въ Боготѣ, возвратился опять обратно.

13 октября 1877 года, въ 7 часовъ утра, я отправился верхомъ на конѣ, по предложенію уполномоченнаго нашихъ отрядовъ А. С. Петлина, при 200 подводкахъ въ Горній Дубнякъ и на Софійское шоссе за ранеными. На этомъ пути встрѣчались виды, которые до сихъ поръ живо запечатлѣлись въ моей памяти. Проѣзжая въ сопровожденіи двухъ казаковъ, я наталкивался по всей дорогѣ на пѣшихъ раненыхъ. Вотъ и бывший нашъ передовой перевязочный пунктъ миновали. Массы окровавленныхъ перевязокъ, много ружей, патроновъ, разорванныхъ шинелей, солдатскихъ мундировъ тутъ валялись въ безпорядкѣ. Вотъ на полянкѣ пылаетъ костеръ и на шестѣ въ котлѣ кипитъ вода, въ которой солдатики размачиваютъ сухари. Около—раненые грѣются, кто съ хлѣбомъ, а кто съ турецкой галетой въ рукахъ. Пробираясь къ Горнему Дубняку, мы взглянули и на турецкія ложементы, устроенные довольно хитро. Чтобы сдѣлать ихъ незамѣтными для приближающихся къ нимъ, земляные валики на краяхъ ложементовъ прикрыты хворостомъ и листьями. во многихъ изъ нихъ были уже нашими санитарями похоронены турки, убитые въ бою. Видъ этихъ ложементовъ представлялъ длинный рядъ выступающихъ вверхъ, соответственно ложементамъ, земляныхъ могилъ. Поля и мѣста сраженія были покрыты запекшеюся кровью и мѣстами были изрыты пулями; повсюду почти валялись осколки гранатъ. Земля во многихъ такихъ мѣстахъ казалась какъ бы дырявою. Индѣ

мѣстами лежали непохорошеные еще солдаты и турки. Около каждаго изъ нихъ было воткнуто штыкомъ въ землю ружье, чтобы легче было санитару отыскать его. Поля сраженія окаймлялись дубовыми деревцами и мелкими кустарниками. Холмовъ — много, но все небольшіе. На холмахъ, мѣстами около горящихъ костровъ, виднѣлись группы грѣющихся раненыхъ, которые выжидали счастливаго момента, когда ихъ заберутъ на подводы. Вотъ и любопытные братушки-болгары плетутся на встрѣчу тамъ и сямъ, по пути къ Дубняку. Одинъ изъ нихъ, одѣтый чисто по праздничному, съ веселымъ выраженіемъ лица, подходитъ къ намъ и, хлопая насъ по плечу, говоритъ, крестясь при этомъ:

— Молодцы братушки!.... Слава Богу!....

Видно, что и болгары раздѣляли съ нами радость, какъ нерѣдко они дѣлились и горемъ и невзгодами войны!....

Вотъ и редуты, и деревня Горній Дубнякъ, — разоренная и безлюдная, съ мечетью раскинулась на высочайшемъ холмѣ!....

Считаю необходимымъ привести здѣсь нѣсколько подробнѣе общій очеркъ турецкихъ позицій въ дѣлѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ.

По высокой горѣ, покрытой дубовымъ лѣсомъ, пролегалo широкое и красивое Софійское шоссе, раздѣлявшее поверхность горы на двѣ половины. На меньшей половинѣ, въ сторонѣ отъ Чирикова былъ малый редутъ. На скатахъ позицій, около него, находились ровики и ложементы.

При шоссе, съ другой стороны, ближе къ Софійи находился караульный домикъ, неподалеку отъ котораго были: стогъ сѣна и шалаши. На большей половинѣ, съ той же стороны, по направленію къ Плевнѣ, отъ шалашей турецкихъ, находился большой редутъ съ громаднымъ, глубокимъ рвомъ вокругъ него и ложементами. Въ центрѣ этого ре-

дута находилась башня (кавалерь). На скатахъ позицій находились также ровики. Въ укрѣпленіяхъ Горняго Дубняка помѣщалось 7 баталіоновъ турецкой пѣхоты, 7,000 стрѣлковъ и при нихъ одинъ полкъ кавалеріи. Труповъ турецкихъ около редутовъ и на шоссе лежали груды. Попадались и русскіе трупы солдатъ, но ихъ было сравнительно немного. Порванный телеграфъ при Софійскомъ шоссе лежалъ на землѣ. Большой редутъ очень высокъ и казался неприступнымъ. Каковы же эти богатыры, взявшіе его!.. Глубина рва на вершинахъ занятыхъ укрѣпленій была больше одной сажени. За рвомъ поднимался на сажень земляной валъ. Возвышеніе въ центрѣ—изъ необожженного кирпича, поднимавшееся на 3 сажени вверхъ. На немъ были расположены артиллерійскія орудія.

Большой редутъ составлялъ предметъ десятичасоваго, упорнаго боя и выдержалъ нѣсколько штурмовъ. Доступъ къ нему—крутой и открытый. Шалаши и малый караульный домикъ, съ черепицеобразною крышею, были близко около него. Въ домикѣ были запасы турецкаго провіанта. Широкое шоссе, по направленію отъ Горняго Дубняка къ Софіи, спускается низко... Турецкихъ ружей, патроновъ, сумокъ и проч. навалены повсюду массы. Поднятое мною у большаго редута турецкое ружье, системы Пибоди и Мартини, съ пулями и осколками гранатъ вмѣстѣ съ ядромъ и осколками гранатъ изъ Систова и изъ подъ Плевны, я привезъ въ Россію и храню ихъ до сихъ поръ, какъ дорогія для меня воспоминанія и рѣдкости, въ память участія своего на войнѣ. Шоссе было покрыто массами нашихъ войскъ, которыя, кромѣ того, вездѣ укрѣплялись, заняли турецкія позиціи и окружающія мѣста. Намъ попался на встрѣчу генераль Гурко.

Онъ ѣхалъ по Софійскому шоссе позади многочисленныхъ войскъ гвардіи со своею блестящею свитою, по направленію къ Дольнему Дубняку. На

груди его красовался Георгій, которымъ онъ былъ награжденъ за свои боевые подвиги на войнѣ. При генералѣ находился переводчикъ — молодой болгаринъ, говорившій хорошо по русски, по турецки и по болгарски. По дорогѣ, въ разныхъ направленихъ сновали гусары, казаки, саперы и т. д.

Около Софійскаго шоссе и на главномъ эвакуаціонномъ пунктѣ, въ этотъ день, попадалось намъ много болгарскихъ семействъ, вышедшихъ изъ города Плевны со своими дѣтьми. Иныя болгарки-женщины съ плачемъ несли дѣтей на своихъ спинахъ. На многихъ болгаряхъ замѣтны были слѣды отъ побоевъ, указывая на которые они говорили, что ихъ били турки. Все это бѣжало отъ турокъ со слезами на глазахъ, захвативъ съ собою кое-что изъ своихъ пожитковъ. Иные изъ болгарскихъ семействъ гнали передъ собой и стада овецъ. Болгары эти скоро поселились въ деревняхъ, завоеванныхъ нашими войсками, неподалеку отъ Плевны. Они рассказывали при этомъ, что турки отняли у нихъ скотъ, хлѣбъ и убивали многихъ за то, что тѣ не хотѣли давать имъ ничего. У болгаръ въ Плевнѣ, по ихъ рассказамъ, были значительные запасы хлѣба, большинство котораго было запрятано и замазано въ ихъ жилищахъ. Было у нихъ много и домашней скотины и птицъ. Болгарское населеніе въ Плевнѣ въ это время было значительное.

Болгары говорили, что Османъ-паша 13 октября сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ въ Плевнѣ. Большая часть его арміи, павшая духомъ послѣ взятія Горняго Дубняка 12-го октября 1877 года, готова была сдаться; но многіе ни за что не соглашались на это. Османъ раздавалъ при этомъ деньги и подарки своимъ солдатамъ и убѣждалъ ихъ держаться по мѣрѣ возможности.

Османъ 13 и 14 октября 1877 года выходилъ изъ Плевны на Софійскую дорогу, но въ оба раза

возвращался назадъ. Наши войска были на готовѣ ежеминутно, и храбрый турецкій полководецъ съ своею сильною арміею не рискнулъ сдѣлать нападенія на большія силы—гвардіи, расположенной и укрѣпившейся при Софійскомъ шоссе подѣ Горнимъ Дубнякомъ. Чтобы замаскировать свою неудачную диверсію, солдаты изъ арміи Османа забирали кукурузу съ полей вблизи Плевны.

IX.

Полковые перевязочные пункты при Софійскомъ шоссе. — Плѣнные турки. — Великій Князь Главнокомандующій въ Горнемъ Дубнякъ. — Большое турецкое знамя въ русскихъ рукахъ. — Отношеніе нашихъ раненыхъ къ раненымъ туркамъ. — Великодушіе русскаго солдата. — Квартира Великаго Князя Главнокомандующаго въ Боготѣ. — Посѣщеніе раненыхъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ. — Квартира Государя въ Порадимѣ. — Панихида во гвардейцамъ въ болгарской церкви. — Государь Императоръ въ Дольнемъ Дубнякъ. — Молитва. — Возвращеніе Государя Императора изъ дѣйствующей арміи въ Россію. — Заключеніе.

Не успѣли мы прибыть на Софійское шоссе, при доставкѣ подводъ, какъ онѣ быстро наполнялись ранеными гвардейцами. Полковые доктора, на своихъ перевязочныхъ пунктахъ, расположенныхъ около Софійскаго шоссе, съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ и, окончивъ перевязки, просили о высылкѣ подводъ поскорѣе и въ большемъ числѣ, потому что многіе раненые еще оставались при шоссе, находившемся тогда въ тылу двухъ армій: Османа-паши въ Плевнѣ и Шевкета-паши въ Орханіе. Когда мы сопровождали транспортъ раненыхъ, то около Чирикова, на огромной живописной полянѣ, уже были расположены плѣнные турки, взятые подъ Горнимъ Дубнякомъ. Паша ихъ Ахмедъ-Хивзи былъ отправленъ еще раньше, въ день побѣды нашей гвардіи, въ Россію, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба. Большинство плѣнныхъ представля-

ло собой картину голодныхъ, оборванныхъ, голыхъ, грязныхъ. Среди ихъ были два черныхъ араба. Раненные турки тутъ были вмѣстѣ съ плѣнными. Турецкіе офицеры тѣсно сплочены были въ этой картинѣ со своими солдатами. Безмолвные, они казались точно приговоренными къ смерти. Русскіе солдаты окружали ихъ вооруженнымъ, довольно плотнымъ кольцомъ. Вся эта масса плѣнныхъ находилась здѣсь въ ожиданіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго, который, осмотрѣвъ плѣнныхъ, направился на мѣсто боя, въ Горній Дубнякъ.

Проѣздомъ къ позиціямъ Горняго Дубняка, Великій Князь Главнокомандующій осмотрѣлъ на пути большое знамя, взятое съ пушками въ числѣ нашихъ трофеевъ у турокъ. Оно было послано командовавшимъ въ то время лейбъ-гвардіи уланскимъ Его Величества полкомъ, флигель-адъютантомъ полковникомъ Притвицемъ и находилось при лазаретной линейкѣ. Старшій фельдшеръ этого полка Романъ имѣлъ счастье представить это знамя Великому Князю.

— Разверни его! изволилъ приказать Его Высочество.

Романъ наклонилъ нѣсколько знамя.

— Настоящее турецкое, пѣхотное!... произнесъ Великій Князь.

Древко этого знамени было длиною въ 3 ар. съ острымъ концомъ на верху, похожимъ на казацкую пику; полотно знамени—изъ красной шелковой матеріи, четырехугольной формы. Съ одной стороны вышиты были золотомъ турецкія буквы и знаки. Тутъ же на полѣ луна со звѣздой. Затѣмъ на двухъ ленточкахъ, висящихъ при верхнемъ концѣ, съ одной стороны—изображеніе луны, а съ другой—звѣздочки.

Знамя это вечеромъ 13 октября 1877 года было отправлено въ главную квартиру въ Боготъ. Оно

было взято рядовымъ 2-й роты л.-гв. измайловскаго полка Авчинниковымъ, котораго потомъ Государь Императоръ Александръ II осчастливилъ пощлудемъ въ лобъ, пожаловавъ ему военный орденъ св. Георгія Побѣдоносца 4 степени (въ Дольнемъ Дубнякѣ, 26 октября 1877 года).

Вотъ подробности взятія знамени Авчинниковымъ. Видя, что турки толпились у сѣверо-восточнаго угла большаго редута, ворвавшійся съ юго-западнаго фаса его 1-й баталіонъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, бросившись къ туркамъ на штыки, вытѣснилъ ихъ изъ редута. Послѣ этого Авчинниковъ, возвращаясь съ преслѣдованія, соскочилъ съ бруствера во внутренний ровикъ редута и при свѣтѣ пожара замѣтилъ одного турку, украдкой пробиравашагося къ этому ровику, вдоль бруствера. Турокъ старался туловищемъ прикрыть знамя, древко котораго выходило изъ подъ его ногъ. Авчинниковъ овладѣлъ знаменемъ и лично доставилъ его начальнику отряда тогда же. Оно послѣ того уже было направлено дальше.

Квартира Великаго Князя Главнокомандующаго, вслѣдъ за взятіемъ Горняго Дубняка, была переведена въ Боготъ. Она помѣщалась въ одномъ изъ обширныхъ болгарскихъ дворовъ. Болгарскій домикъ, нѣсколько полотняныхъ палатокъ да киргизская юрта составляли помѣщеніе Великаго Князя и его штаба.

Въ Боготѣ въ это время скопились массы раненныхъ: чрезъ него всѣ они изъ-подъ Горняго Дубняка эвакуировались. Тамъ много было раскинуто госпиталей и лазаретовъ, тамъ же находился этапный лазаретъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Маріи Ѳедоровны, нынѣ благополучно царствующей Государыни Императрицы, въ которомъ мы работали ранѣе въ Систовѣ, въ дер. Митхадъ-паша и въ Порадимѣ въ Болгаріи. Государь Императоръ осчастливилъ своимъ

посѣщеніемъ и словомъ раненыхъ въ Боготѣ и Самъ лично пожаловалъ нѣкоторымъ изъ нихъ георгіевскіе кресты.

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Александромъ II раненыхъ состоялось 15 октября 1877 г. въ Боготѣ. Пріѣхавъ въ экипажѣ, Государь прежде всего направился къ шатру, гдѣ лежали тяжело раненные Свиты Его Величества генераль-маіоръ Розенбахъ и баронъ Зедделеръ. Государь въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ ихъ за доблести. Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ посѣтить Этапный Лазаретъ Государыни Цесаревны, нынѣшней Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а потомъ уже палатки и кибитки военного госпиталя въ Боготѣ. Это былъ счастливый день умиленія и восторга среди раненыхъ. При этомъ посѣщеніи, Государь называлъ почти всѣхъ офицеровъ по фамиліи и обращался къ каждому съ назидательнымъ словомъ.

Въ это время квартира Государя Императора Александра II изъ Горняго Студеня была переведена въ Порадимъ. Деревянный простенькій домикъ, въ которомъ до того времени жилъ начальникъ западнаго отряда войскъ князь Карлъ Румынскій, — былъ Царскою резиденціею. Домикъ этотъ, съ балкономъ отъ фронта, имѣлъ четыре небольшія комнаты, изъ которыхъ Государь занималъ двѣ: одна изъ нихъ служила столовою и пріемною, а другая — кабинетомъ и спальнею. Въ 3-ей комнатѣ помѣщался Министръ Императорскаго Двора генераль-адъютантъ графъ Адлербергъ, а въ четвертой — камердинеръ Государя. Въ нижней половинѣ домика помѣщался свѣтлѣйшій князь Суворовъ и комендантъ Императорской квартиры, генераль-адъютантъ Рылѣевъ. Для Военнаго Министра графа Милютина былъ отведенъ особый домикъ. Пріемная Государя представляла довольно свѣтлую комнату; весь полъ былъ по-

крыть ковромъ; стѣны были обиты сѣрымъ сукномъ, а потолокъ—бѣлымъ коленкоромъ. Съ лѣвой стороны отъ входа находилась желѣзная печь, а направо шла дверь въ спальню Государя. На окнахъ были бѣлыя кисейныя занавѣсы. Кромѣ того тутъ былъ столъ, вокругъ котораго—складныя табуретки. Спальня Государя была обита репсомъ. По пріѣздѣ въ Порадимъ, Его Величество былъ встрѣченъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и княземъ Карломъ Румынскимъ. Въ гвардейскомъ отрядѣ почетнаго Его Величества конвоя на театрѣ войны находились: лейбъ-гв. преображенск. полка полков. фл. ад. П. С. Озеровъ (раненый при переправѣ чрезъ Дунай, ум. въ 1879 г. въ Россіи), лейбъ-гв. преобр. полка шт.-кап., фл.-ад. баронъ В. П. Рокасовскій, л.-гв. преобр. полка шт.-кап. В. П. Ивковъ, л.-гв. семеновскаго полка капитанъ, фл. ад. Косачъ, капит. л.-гв. семен. п. фл.-ад. А. И. Черкаревъ, поручикъ л.-гв. литовскаго полка Федяй, поруч. л.-гв. измайловскаго полка В. Д. Ильинъ и Н. П. Волковъ, шт.-кап. л.-гв. гренадерскаго полка фл.-ад. А. А. Поливановъ (ум. въ 1880 г. въ Петерб.), полковники л.-гв. павловскаго полка, фл.-адъютанты: К. А. Руновъ (раненъ подъ Горнимъ Дубнякомъ смертельно 12 окт. 1877 г.) и П. П. фонъ-Энденъ, л.-гв. 2 стр. бат. капит. В. Е. Іоновъ, поруч. (нынѣ штабсъ-кап.) кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка Кольманъ, с.-петербургскаго гренадерскаго императора Фридриха-Вильгельма III полка капитанъ (нынѣ фл.-ад. маіоръ) Мацкевичъ, лейбъ-гв. гродненскаго гусарскаго полка поручикъ (нынѣ фл.-ад. шт.-ротм.) Суворовцевъ, л.-гв. сапернаго баталіона пор., фл.-адъют. Н. Е. Прескотъ, поручикъ того же баталіона Г. А. Богомоловъ, поручикъ лейбъ-гв. 1-й артил. бригады А. А. Тюрбертъ (утонулъ при переправѣ чрезъ Дунай), лейбъ-гв. 2-й артиллерійской бригады капитанъ флигель.-адъют. К. П. Прежбяно, лейбъ-гвар-

ди коннаго полка ротмистръ флигель-адъютантъ князь С. И. Васильчиковъ, лейбъ-гвардіи кирасирскаго Его Величества полка поручикъ флигель-адъют. И. П. Живковичъ, лейбъ-гв. гусарскаго Его Величества полка ротмистръ флигель-адъютантъ Л. Е. Нордъ, гвардіи конн.-артил. бригады шт.-кап. П. С. Савинъ (раненъ смертельно при взятіи Ловчи 22 августа 1877 г.) и тойже бриг. поручикъ Вороновичъ. Крімъ того въ гвардейскомъ отрядѣ почетнаго Е. В. конвоя находился младшій врачъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка коллежскій совѣтникъ Яковлевъ. Изъ нижнихъ чиновъ были: 3 фельдшера, 5 санитаровъ, 1 ветеринарный фельдшеръ и отъ всѣхъ гвардейскихъ частей фельд-фебелей и вахмистровъ—3, унтеръ-офицеровъ—39, рядовыхъ—376, барабанщиковъ и трубачей—11, и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ—38.

Отъ этого конвоя при генералѣ Гурко въ дѣлѣ 12-го октября подъ Горнимъ Дубнякомъ находился поручикъ Вороновичъ, дававшій телеграфныя извѣстія о боѣ въ главную квартиру Государя въ Порадимѣ. 14 октября 1877 г. поручикъ В. участвовалъ съ ген. Гурко въ рекогносцировкѣ Телиша, а 17 октября 1877 г. возвратился въ Порадимъ съ извѣстіемъ о взятіи Телиша. По полученіи извѣстій, Государь Императоръ съ флигель-адъютантомъ фонъ-Энденомъ послалъ въ Горній Дубнякъ георгіевскіе кресты, пожалованные нижнимъ чинамъ гвардіи за дѣло 12 октября.

Одинъ изъ полковниковъ лейбъ-гвардіи павловскаго полка, бывшихъ въ упомянутомъ конвоѣ Его Величества, былъ убитъ при атакѣ Горняго Дубняка, во время взятія малаго редута. Тѣло его вмѣстѣ съ тѣломъ подпоручика л.-гв. егерскаго полка Шильдбаха при переправѣ трезъ Порадимъ было поставлено на время въ болгарской церкви. Простые деревянные гробы убитыхъ въ дѣлѣ 12 октября 1877 года были оберну-

ты соломой и доставлены въ Порадимъ ночью на 31-е октября въ сопровожденіи офицеровъ почетнаго конвоя, роты гвардейцевъ и хора музыки лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона. Придворнымъ духовникомъ, въ присутствіи Государя Императора, въ болгарской церкви была отслужена панихида, по окончаніи которой тѣла были перенесены на болгарскія каруцы. Музыка сыграла „Коль славень“, — и печальная эта процессія двинулась дальше.

Болгарская церковь въ Порадимѣ заслуживаетъ вниманія. Она, какъ и всѣ болгарскіе храмы, бѣдна. Въ ней въ это время богослуженіе совершалось нерѣдко. Въ порадимскій храмъ, какъ и въ Горнемъ Студенѣ, чинами Императорскаго обоза были пожертвованы иконы въ золотыхъ ризахъ и кіотахъ орѣховаго дерева, рѣзанныхъ въ русскомъ стилѣ. Отъ домика Его Величества къ ней была проложена усталая каменьями дорожка. Въ Порадимѣ Государю былъ представленъ плѣнный паша Ахмедъ-Хивзи, взятый въ Горнемъ Дубнякѣ. Онъ — природный болгаринъ. Въ Порадимѣ же потомъ (2 декабря 1877 г.) конвой Е. В. имѣлъ счастье преподнести золотую саблю. (Какъ извѣстно, по взятіи Плевны 28 ноября 1877 г., въ ознаменованіе блестящей и громкой побѣды русской арміи, Государь изволилъ возложить на свою саблю георгіевскій темлякъ).

14-го октября пригнали за р. Видъ плѣнныхъ и раненыхъ турокъ. Я говорю „пригнали“, потому что такъ привыкъ говорить нашъ русскій солдатъ. Турокъ кормили, перевязывали и пріютили гвардейскіе дивизіонныя лазареты. Замѣчательно то неподдѣльное, истинно гуманное чувство нашего раненаго къ раненому турку, — черта, можетъ быть, свойственная исключительно нашему русскому солдату. Характерныхъ сценокъ мнѣ пришлось наблюдать нѣсколько.

На полянкѣ, около одного гвардейскаго дивизионнаго лазарета расположилось много раненыхъ турокъ. Вблизи, на голой землѣ, лежатъ наши раненые солдатики. Сестры милосердія, завидя турокъ, начинаютъ ихъ перевязывать. Одинъ солдатикъ начинаетъ протестовать:

— Сестрица! Что вы ихъ-то перевязываете? Мало еще они нашихъ-то пересѣкли да обезобразили; перевязывай-ка лучше насъ!...

Одна сестра, сконфуженная этимъ, окончивъ перевязывать турка, подходитъ къ нашему солдатiku и хочетъ его перевязать.

— Перевязывай сестрица его!... все равно: вѣдь онъ такой же раненый, какъ и я!... вѣдь можетъ онъ и не виноватъ нисколько, что нашихъ раненыхъ они добиваютъ; это у нихъ больше дѣлаютъ баши-бузукы и черкесы! Вотъ тѣхъ стоило-бы наказать-то!... Ну, да Богъ ихъ за это разсудить тамъ!...

Вотъ на одномъ столѣ лежатъ двое раненыхъ, съ переломами костей оба. Одинъ изъ нихъ—русскій солдатъ, другой—турокъ. Обоимъ предназначается гипсовая повязка... Турокъ смотритъ такимъ сентябремъ и поглядываетъ съ явнымъ недружелюбіемъ на своего сосѣда.

— Не бойся!... вѣдь я, чай, вѣру Христову исповѣдую... не задѣну тебя, говорить нашъ солдатъ.

Къ солдату подходятъ дѣлать гипсовую повязку. Солдатъ, смѣясь, говорить:

— Ваше благородіе, уберите эту нехристь-то, а то заколю его!...

— А развѣ можно такъ дѣлать? спросилъ я.

— Я вѣдь шутя, ваше благородіе, замѣтилъ, улыбаясь солдатъ:—неужто я стану больнаго человека трогать; вѣдь, чай, крестъ-то на мнѣ еще есть!...

Позволю себѣ привести еще наглядный примѣръ сказаннаго.

Партія раненыхъ, послѣ взятія Горняго Дубняка, расположилась у пылающаго костра на холмикѣ. Плѣнныхъ уже ведутъ мимо. Раненые турки съ трудомъ тянутся среди плѣнныхъ.

— Давай сюда, въ нашу компанію! обращаются наши раненые къ конвойнымъ, сопровождавшимъ плѣнныхъ: — намъ же веселѣе будетъ.

Нѣсколько раненыхъ, которые просто повалились при дорогѣ, были доставлены имъ.

— Мы имъ, передавалъ мнѣ рассказчикъ — раненый гвардейскій солдатикъ, — и сухарей дали и хлѣба. Папиросокъ было нѣсколько, подѣлились и этимъ съ ними. Наши-то были все веселые, а они, словно буки какіе — угрюмые такіе сидѣли.

— А вѣдь они бы не поступили такъ съ нашими ранеными? перебилъ я рассказывавшаго.

— Ну вѣдь, ваше благородіе, они что хотятъ, пусть дѣлають, а мы то зачѣмъ грѣшить станемъ?... Ихъ вѣдь не слѣдуетъ обижать.

Вообще, великодушіе нашего солдата — замѣчательно и въ этомъ мы не разъ убѣждались. Онъ мало смущается предъ ужасами и звѣрствами турокъ, позволяя себѣ только порицать ихъ. Отношенія его къ раненымъ туркамъ замѣчательно великодушны и трогательны.

Вотъ еще два факта, относящіеся сюда и сообщенные мнѣ на дняхъ въ бесѣдѣ съ поручикомъ л.-гв. литовскаго полка Федяемъ.

Когда большая часть 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, послѣ участія ея въ дѣлѣ подъ Телишемъ, отправилась въ Радомірцы, для рекогносцировки, большой турецкій отрядъ, какъ говорили, имѣвшій идти на подкрѣпленіе къ частямъ турецкой арміи, расположеннымъ при Софійскомъ шоссе, ушелъ, оставивъ боевые и жизненные припасы. Казаки привезли раненаго турку, который

долгое время лежалъ въ канавѣ безъ ѣды и всякой помощи. Турокъ этотъ былъ изъ кавалерійскаго отряда, удиравшаго изъ Телиша, и во время преслѣдованія нашею кавалеріею былъ раненъ: на одной изъ ляшекъ его ноги мясо висѣло кусками. Онъ былъ тутъ же осмотрѣнъ солдатами, помогшими ему и ухаживавшими за нимъ съ материнскою заботливостью.

Когда телишскій гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ, красивый и рослый турецкій чаушъ (фельдфебель) усѣлся съ нашими солдатами у костра. Солдаты кормили его и начали съ нимъ разговоръ знаками, видимо нѣсколько понимая другъ друга. Несомнѣнно онъ понялъ, что русскіе солдаты порицали тутъ звѣрства турокъ въ дѣлѣ 12 октября подъ Телишемъ, во время боя подъ Горнимъ Дубнякомъ. Видимо, чаушъ убѣдился, что русскіе солдаты этого бы не сдѣлали, потому что, когда они показывали на шею свою, ударяя по ней слегка расправленной рукой, чаушъ, ухмыляясь и довольный, подставлялъ имъ свою голову.

Интересенъ фактъ, сообщенный мнѣ поручикомъ л.-гв. литовскаго полка С. Н. Флейшеромъ.

По взятіи Телиша, въ числѣ плѣнныхъ находилъ Мурадъ-бей (графъ Ланскоранскій). Онъ изъ польскихъ эмигрантовъ, на видъ старикъ лѣтъ 60, въ тридцатыхъ годахъ переселился въ Турцію, гдѣ былъ женатъ нѣсколько разъ, въ послѣдній разъ — на арнауткѣ. Мурадъ-бей, принявшій послѣ эмиграціи магометанство, находился на турецкой службѣ и предъ взятіемъ Горняго Дубняка слѣдовалъ къ Осману-пашѣ въ Плевну; но Горній Дубнякъ 12 октября помѣшалъ ему и онъ по взятіи Телиша попалъ въ плѣнъ. Больной подагрой, онъ имѣлъ при себѣ своего доктора — грека.

Съ нимъ наши офицеры разговаривали и въ разговорѣ онъ относился уважительно къ русскимъ, (предлагая русскимъ офицерамъ подарки, отъ чего

тѣ конечно отказались), и приглашалъ ихъ въ свой домъ, давая адресъ, гдѣ жило его семейство.

Считаю небезынтереснымъ привести одинъ эпизодъ по взятіи Телиша.

Когда 4-я рота л.-гв. литовскаго полка составляла телишскій гарнизонъ, ей порученъ былъ порядокъ, сортировка взятаго у турокъ оружія, перехватываніе турецкихъ перебѣжчиковъ и пр. 17-го октября 1877 года, въ 2 часа дня, показала часть, двигавшаяся къ Телишу съ запада. Телишскій гарнизонъ предположилъ непріятельскій отрядъ. Ожидали встрѣчи непріятели, гарнизонъ занялъ редутъ, бывший на высокомъ холмѣ у Телиша. Вдругъ всадники мнимаго непріятельскаго отряда поскакали въ безпорядкѣ по направленію къ деревнѣ Телишу. Это дало еще болѣе повода предполагать турокъ, бросившихся грабить деревню. Но изъ числа ихъ двое прибыли прямо въ редутъ. Оказалось, что это былъ кавказскій отрядъ полковника Ч. Наконецъ, появленіе артиллеріи окончательно разъяснило недоумѣніе.

Болѣе недѣли длилась наша горячая работа подъ Горнимъ Дубнякомъ. По окончаніи ея, мы перенеслись изъ подъ Чирикова въ самую деревню Горній Дубнякъ. Тамъ не было тогда изъ турецкаго и болгарскаго населенія ни единой души. Тамъ уже въ то время помѣщался штабъ гвардіи. Я скоро поѣхалъ въ Петербургъ кончать свой академическій курсъ и на мою долю выпало вести всѣхъ турокъ (около 200), раненыхъ подъ Горнимъ Дубнякомъ. Я ѣхалъ съ ними до самой Зимницы, гдѣ и сдалъ ихъ въ военный госпиталь. Трудна для нихъ была эта переправа, потому что всѣ условія эвакуаціи въ Болгаріи были вообще неудовлетворительны. Но тоже вѣдь и съ нашими ранеными случалось часто. Наши призрѣли тысячи турокъ, а сколько нашихъ плѣнныхъ и раненыхъ призрѣли турки?—это

покрыто мракомъ неизвѣстности. Раненые турки были накормлены и нашли пріютъ на берегу Дуная, на питательномъ пунктѣ „Краснаго Креста“ въ Сисовѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ князь Черкасскій. Нѣсколько печей на питательномъ пунктѣ въ Сисовѣ было сдѣлано въ самой землѣ и въ котлахъ былъ приготовленъ для нихъ бараній супъ. Кромѣ куска говядины, большой порціи сытнаго супа, турки получали здѣсь красное вино. Въ одну изъ палатокъ, бывшихъ тутъ, я былъ приглашенъ членами „Крас. Крес.“ обѣдать. Приготовление и раздача кушанья производилась солдатами. Сисово запружено было госпиталями и лазаретами и при большомъ движеніи и торговлѣ въ немъ, среди многихъ развѣвавшихся бѣлыхъ флаговъ съ краснымъ крестомъ, онъ представлялъ тоже много оригинальнаго; здѣсь находилось множество раненыхъ гвардейцевъ. Предъ отъѣздомъ въ Россію, около р. Вида, гдѣ былъ главный эвакуаціонный пунктъ, я встрѣтилъ одного изъ своихъ знакомыхъ, извѣстнаго корреспондента В. И. Немировича-Данченко, съ которымъ вмѣстѣ обходили мы партію телишскихъ плѣнныхъ турокъ. Онъ имѣлъ проводника и лошадь.

Отъ Зимницы до Фратештъ я сопровождалъ опять транспортъ раненыхъ подъ Горнимъ Дубнякомъ 12 октября 1877 г. гвардейцевъ, среди которыхъ были офицеры: л.-гв. московскаго полка Вильгельмъ, л.-гв. гренадерскаго—Л. Путиловъ и др. На одной изъ румынскихъ станцій, когда я ѣхалъ уже по желѣзной дорогѣ, въ городѣ Романахъ, я видѣлъ взятыхъ въ плѣнъ при занятіи Софійскаго шоссе гвардією: англичанина и француза. При занятіи ихъ они выдавали себя за докторовъ; оба были въ штатскомъ платьѣ. Относительно медицинской спеціальности ихъ, многіе врачи относились съ недоувѣріемъ, считая ихъ просто за корреспондентовъ; при нихъ найдены были карты Плевны и позицій вокругъ нея и карта театра военныхъ дѣйствій.

Одинъ изъ нихъ—англичанинъ, говорили тогда, былъ прежде полковникомъ англійской арміи. На видъ онъ представлялъ мужчину высокаго роста, лѣтъ 33-хъ, съ рыжими волосами на головѣ и бакенбардами. Молчаливый и угрюмый больше, онъ однако отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы окружавшей его на румынскихъ станціяхъ публикѣ по нѣмецки. На одной изъ станцій, онъ написалъ длинное письмо, которое потомъ и опустилъ въ почтовый ящикъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ джентльменъ—въ короткомъ мѣховомъ пальто и въ теплой шапкѣ. Французъ—статный на видъ мужчина, средняго роста, имѣлъ смуглое лицо и большую, темнаго цвѣта бороду. Онъ былъ очень разговорчивъ съ публикой. Съ ними вмѣстѣ ѣхалъ взятый тоже 12 октября подъ Горнимъ Дубнякомъ въ плѣнъ одинъ турецкій офицеръ съ деньщикомъ—армяниномъ. Сутуловатый турецкій офицеръ уныло усаживался за столомъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Ихъ сопровождалъ конвой изъ 3-хъ солдатъ; они ѣхали въ вагонѣ 2-го класса.

Когда наши отряды „Краснаго Креста“ имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы перебрались въ деревню Горній Дубнякъ, то уже Телишъ былъ взятъ (16 октября 1877 года), а Дольній Дубнякъ турки покинули сами.

Обложеніе плевненской турецкой арміи тогда связывалось шестью участками: 1-й былъ поручень румынскому генералу Чернату, 2-й—ген.-лейт. барону Криденеру, 3-й—ген.-лейт. Зотову, 4-й—ген.-лейт. Скобелеву, 5-й—ген.-лейт. Каталею, 6-й—ген.-лейт. Ганецкому. Силошное обложеніе Плевны распространялось на 70 верстъ въ формѣ овальнаго кольца.

Намѣчены были начальникамъ участковъ всѣ возможные случаи порыва, куда и какъ слѣдовало

стягивать войска къ угрожаемымъ пунктамъ. Русскія позиціи усиливались ложементами, траншеями, батареями и въ болѣе важныхъ случаяхъ — люнетами и редутами. Русскія траншеи отстояли настолько отъ непріятеля, чтобы удалить по возможности его ружейный огонь отъ нашихъ батарей. По дорогѣ къ Рахову и Софіи стерегли непріятеля значительныя русскія силы. Ген. Тотлебенъ имѣлъ квартиру въ Тульченицѣ; ген. Чернатъ — въ Вербицѣ; баронъ Криденеръ — въ Гривицѣ; ген. Зотовъ — въ Радишевѣ; ген. Скобелевъ — въ Брестовцѣ и ген. Каталей — въ Тернинѣ *).

* * *

Радостное извѣстіе о побѣдѣ русской гвардіи подъ Горнимъ Дубнякомъ съ восторгомъ было встрѣчено всѣми войсками, участвовавшими въ обложеніи Плевны. То были дни общей радости во всей нашей дѣйствующей арміи, потому что предрѣшался успѣхъ нашихъ операцій подъ Плевной — успѣхъ войны.

Въ воскресный день, 23 октября, гвардія была осчастливлена прибытіемъ Государа Императора Александра II, который восторженно и среди обихъ ликованій и „ура!“ былъ встрѣченъ въ Доль-

*) Какъ извѣстно при взятіи Плевны — 28 ноября 1871 года нашими трофеями были: плѣнными: главнокомандующій, 10 нашей, 120 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, 40,000 нижнихъ чиновъ, 1,200 всадниковъ; при этомъ нами взято 77 орудій, при уронѣ съ непріятельской стороны въ 6,000 чел. и 1,850 съ нашей.

немъ Дубнякъ. Его Величество обнялъ генерала Гурко, снявшаго шапку и припавшаго головой къ груди Императора. При Государѣ находился Великій Князь Сергій Александровичъ. За свитою шли лейбъ-гусары, лейбъ-уланы и Собственный Его Величества конвой *). Государь Императоръ объѣхалъ всѣ части, благодарилъ солдатъ и въ милостивыхъ словахъ обращался ко многимъ офицерамъ. Въ строю были многіе съ повязками на головѣ и рукахъ.

На первыхъ мѣстахъ были выстроены георгиевскіе кавалеры; съ нѣкоторыми изъ нихъ Государь изволилъ разговаривать. На лѣвомъ флангѣ, священникомъ л.-гв. измайловскаго полка отслуженъ былъ молебенъ. Это была трогательная молитва и минуты были вполне торжественныя. Государь прослезился..... Поблагодаривъ свою гвардію за блестящую побѣду, Государь при отъѣздѣ отъ нея ночевалъ въ бѣдной хижинкѣ болгарина въ Медованѣ.

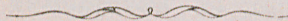
Прошло еще время и Государь, раздѣлявшій опасности, труды и подвиги Своего войска, по взятіи Плевны, произведя памятный парадъ частямъ, участвовавшимъ въ обложеніи Плевны, при общемъ ихъ восторгѣ и ликованіяхъ, простился съ нимъ, пробывъ почти семь мѣсяцевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Время не изгладитъ и не сотретъ изъ памяти воспоминаній о дѣлѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ у его участниковъ. День 12 октября 1877 г. незаб-

*) Государь Императоръ Александръ II находился на театрѣ войны въ Болгаріи до 2-го декабря 1877 года. Главными квартирами Его Величества были въ Болгаріи: Павло (съ 4 по 8 іюля), Вѣла (съ 8 по 26 іюля), Горній-Студень, Радонице и Порадимъ.

венный для каждого русскаго сердца!... Памятники воздвигнуты уже на могилахъ героевъ, сложившихъ свои головы въ дѣлѣ 12 октября 1877 года подъ Горнимъ Дубнякомъ. Благодатная память объ нихъ перейдетъ изъ рода въ родъ и сдѣлается достояніемъ исторіи!

Павелъ Ядовитъ.

(Изъ №№ 212, 215, 222, 230, 233 и 246 „Варшавскаго Дневника“, за 1881 г.).

СОДЕРЖАНИЕ:

Отъ стр. до стр.

Предисловіе	1 — 4
I. Четвертая годовщина дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ. — 11-е октября въ Іени-Баркачѣ. — Гвардейскіе биваки. — Въ болгарской хатѣ. — Путь гвардіи отъ Россіи до Іени-Баркача. — Позиціи турокъ при Софійскомъ шоссе. — Значеніе Горняго Дубняка въ дѣлѣ обложенія Плевны. — 16-ое почтовое полевое отдѣленіе предъ выступленіемъ гвардіи къ Горнему Дубняку .	5 — 11
II. Вечеръ предъ выступленіемъ русской гвардіи къ Горнему Дубняку. — Путь до Горняго Дубняка. — Переходъ чрезъ рѣку Видъ. — Первые выстрѣлы. — Общій ходъ атаки. — Раненные.	12 — 17
III. „Красный Крестъ“ при гвардейскомъ корпусѣ въ Болгаріи. — Санитарныя летучіе отряды „Краснаго Креста“. — Передовой перевязочный пунктъ „Краснаго Креста“ подъ Горнымъ Дубнякомъ. — Раненные гвардейцы. — Переполюхъ. — Извѣстіе о побѣдѣ. — Объ атакѣ Горняго Дубняка и Телиша. — Трофеи. — Пѣнный Ахмедъ-Хивзи-паша. — Значеніе побѣды	18 — 26
IV. Подробности атаки Горняго Дубняка. — Колонны со сторожъ: Плевны, Чирикова и Телиша. — Охрана тыла и лѣваго фланга. — Расположеніе резервовъ и частей войскъ при атакѣ. — Летучая почта. — Отрядъ полковника Челищева. — Лейбъ-гренадеры. — Саперы. — Дѣйствія лѣвой колонны. — Финляндцы и павловцы. — Императорскій конвой. — Дѣйствіе праваго фланга. — Взятіе малаго редута. — Отпоръ турокъ при взятіи большаго редута. — Штурмы его. — Наши въ большомъ редутѣ. — Турки сдаются. — Ихъ звѣрства. — Первое русское знамя, развѣвавшееся въ большомъ редутѣ. — Третья гвардейская дивизія при занятіи Софійскаго шоссе.	27 — 44
V. Главный эвакуаціонный пунктъ за рѣк. Видомъ. — Доставка раненныхъ. — Въ налаткахъ, на соломѣ и на голой землѣ. —	

Отъ стр. до стр.

	Умирающіе. — Перевозочныя средства и болгарскія кѣруцы. — Взятіе въ плѣнъ Имаила-Хаки-паши съ его арміею. — Раненые изъ-подъ Темша въ „Красномъ Крестѣ“. — Дивизіонныя гвардейскіе лазареты въ дѣлѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ. — Кухня и продовольствіе раненыхъ. — Извѣстія и рассказы участниковъ дѣла . . .	45 — 51
VI.	Организація военно-санитарной части подъ Горнимъ Дубнякомъ. — Перевязочные пункты. — Врачи варшавскаго гвардейскаго отряда. — Летучіе отряды. — Санитары. — Гвардейскій вагенбургъ . . .	52 — 57
VII.	Перевязки и операціи. — Генералъ Лавровъ и полковникъ Эбелингъ. — Полковникъ Строевъ. — Разсказъ лейбъ-гренадера. — Барабанщикъ невидящій. — Кзакъ изъ эскадрона при генералѣ Гурко . . .	58 — 62
VIII.	Посѣщеніе перевязочнаго пункта Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. — Князь Черкасскій. — Хирургъ Н. И. Пироговъ въ госпиталяхъ Богота. — Эвакуація. — Турецкія позиціи. — Отношенія болгаръ. — Большой и малый редуты. — Дер. Горній Дубнякъ. — При Софійскомъ шоссе. — Бѣгство болгаръ изъ Плевны. — Попытки къ вылазкѣ Османа-паши. . .	63 — 68
IX.	Полковыя перевязочные пункты при Софійскомъ шоссе. — Плѣнные турки. — Великій Князь Главнокомандующій въ Горнемъ Дубнякѣ. — Большое турецкое знамя въ русскихъ рукахъ. — Отношеніе нашихъ раненыхъ къ раненымъ туркамъ. — Вѣлководушіе русскаго солдата. — Квартира Великаго Князя Главнокомандующаго въ Боготѣ. — Посѣщеніе раненыхъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ. — Квартира Государя въ Порадимѣ. — Панихида по гвардейцамъ въ болгарской церкви. — Государь Императоръ въ Дольнемъ Дубнякѣ. — Молитва. — Возвращеніе Государя Императора изъ дѣйствующей арміи въ Россію. — Заключеніе . . .	69 — 84

Готовятся къ печати слѣдующія сочиненія

П. И. Ядовина:

- 1) „Вопросы гипнотизма и магнетизеры“ и
- 2) „Изъ воспоминаній минувшей 1877—1878 гг. войны“.

Содержаніе 2-го сочиненія: I. Отъ автора. — II. Санитарный поѣздъ Ея Императорскаго Высочества Евгеніи Максимиліановны Принцессы Ольденбургской. — III. Среди плѣнныхъ и раненыхъ турокъ на югѣ Россіи и въ Яссахъ. — IV. Путевыя замѣтки на санитарномъ поѣздѣ. — V. Въ С.-Петербургѣ и на пути къ Дунаю. — VI. Отъ Яссъ до Бухареста. — VII. Отъ Бухареста до Журжева. — VIII. Отъ Журжева до Систова. — IX. Въ деревнѣ Митхадъ-паша. — X. Чрезъ Горній Студень и Порадимъ. — XI. Подъ Плевной. — XII. Въ Боготѣ. — XIII. Подъ Горнимъ Дубнякомъ. — XIV. Павло (очеркъ санитарной станціи въ Болгаріи). — XV. Юнкеръ (очеркъ). — XVI. На пути въ Россію. — XVII. Праздникъ заключенія мира. — XVIII. Прибытіе раненыхъ въ С.-Петербургъ и ихъ рассказы. — XIX. Вечеръ среди раненыхъ. — XX. Въ Бѣжецкомъ госпиталѣ „Краснаго Креста“. — XXI. Плѣнные турки. — XXII. Наши герои-солдатики. — XXIII. Среди раненыхъ въ академической клиникѣ. — XXIV. Наши задунайскіе матросики. — XXV. Плѣнные въ окрестностяхъ С.-Петербурга. — XXVI. — XXVIII. Въ хаосѣ войны. — XXIX. Отрывки и замѣтки.

Въ книжномъ складѣ „Россійской Библіографіи“ (Эм. Гартъе) въ С.-Петербургѣ (Невск. просп. 27, у Казанск. м.), въ другихъ с.-петербургскихъ книжныхъ магазинахъ, а также въ Варшавѣ въ магазинѣ (б. Черкесова) русской книжной торговли на Новомъ-Свѣтѣ, продаются слѣдующія изданія:

- 1) „Подъ Горнимъ Дубнякомъ“. Очерки и воспоминанія П. И. Ядовина. Варшава 1882 г. Типографія Варш. Уч. Округа. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 25 к.
- 2) „Лѣто на русскихъ минеральныхъ водахъ Друскеники“. Очерки Павла Ядовина. С.-Петербургъ 1878. Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп.
- 3) „Бускія минеральныя воды“. Очерки П. К. Неймана. Варшава 1882 года. Типографія Варш. Уч. Округа. Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп.

Гг. иногородные могутъ выписывать эти изданія чрезъ Вас. Ив. Ядовина (С.-Петербургъ, Сергіевская д. 31 кв. 27).

Въ к
(Эм. Гар
у Казан
ныхъ ма
нѣ (б. т
Новомъ

1) „
и
Т
с

2) „
Д
П
6

3) „
Н
В
6

Гг. и
чрезъ Ва
ская д. 3

лиографіи“
просп. 27,
ихъ книж-
въ магази-
рговли на
данія:

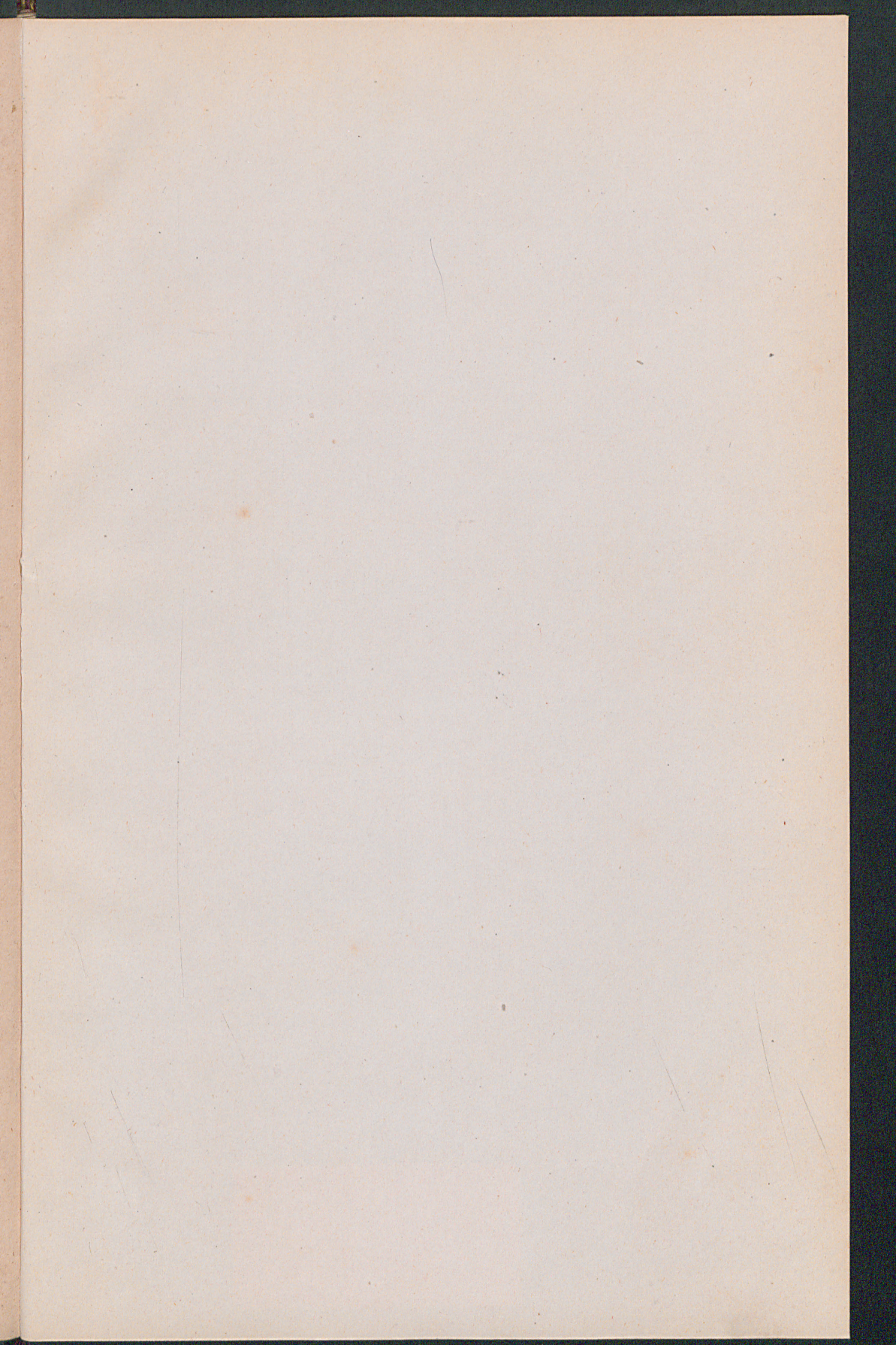
рки и вос-
ва 1882 г.
на 1 руб.,

ь водахъ
вина. С.-
съ перес.

рки П. К.
инографія
съ перес.

и изданія
Сергіев-

1500218746

5p

